

Виктор Далёкий

ЗОЛОТЫЕ ОСЛЫ

роман сатиры и юмора

Виктор Далёкий

Золотые ослы

«ЛитРес: Самиздат»

Далёкий В.

Золотые ослы / В. Далёкий — «ЛитРес: Самиздат»,

Начало 1990-х годов. Друзья Веня и Геша работают в зоопарке. После ночной подработки они возвращаются в сторожку зоопарка к Ивану Ивановичу, чтобы отдохнуть и поговорить по душам. Сторож признается им, что его сосед профессор Летаев подарил ему эликсир новой жизни и предлагает его выпить. Вместо друзей эликсир выпивает осел, который, преобразуясь, становится кандидатом в депутаты и помогает друзьям бороться против бизнесмена Имелова, страстно желающего превратить зоопарк в зоошоп.

© Далёкий В.

© ЛитРес: Самиздат

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть первая Друзья и недруги

Глава первая Друзья

Веня поймал гипнотическое мгновение созерцательной неподвижности, стоя в трусах перед зеркалом. Он разглядывал себя, и какой-то момент ему показалось, что человека в зеркале он совсем не знает. Только улыбка, которая шевельнулась в уголках рта, мягко утончая губы, в какой-то момент показалась неуловимо знакомой. Глаза смотрели прямо в душу. Что-то шептало Вене, что у этого человека все будет хорошо. Солнышко проникало в комнату через широкое трехстворчатое окно и заливало комнату ярким светом. Ветерок через левую приоткрытую створку, отражающуюся в зеркале изометрично, влетал с улицы и затейливо шевелил тюлевую занавеску, как беспокойный малыш руку отвлекшейся мамы. Тюль трепетала, делала картинку ощутимой и словно передавала биение самой жизни. В этот момент он остро почувствовал себя на изломе пути, в предчувствии перемен. Отмирающий социализм, помахал всем на прощание ручкой, перестройка, полная пустой болтовни закончилась развалом Союза, и ей на смену приходил дикий капитализм. Страна замерла в ожидании лучшего и напоминала того лося из анекдота, которому охотник прострелил бок так что в нем появилась большая дыра, а он в задумчивом состоянии пьет воду и думает: «Я пью воду, пью, а мне почему-то все хуже и хуже...» Веня улыбнулся еще шире. Его эмоции питались уверенностью безграничных способностях, правотой жизнеутверждающего оптимизма и силой всепобеждающего юмора. О себе он думал не иначе как: «Я молодой мужчина, окончательно попросившийся с прыщавой юностью и не желающий знать, что такое скучная зрелость и морщинистая старость».

За окном послышались торжественные длинные гудки машин, чередующиеся с требовательными, короткими. Веня подошел к окну, чтобы не пропустить событие, и увидел внизу машины, украшенные свадебными лентами. Бабки у подъезда старательно натянули ленточку, чтобы получить выкуп. Жених вышел из машины с седым мужчиной, по-видимому, отцом, подошёл к нему. Те отмахиваются от него руками, смеются. Видимо, идет торг за невесту. Все, сговорились, взяли выкуп, спиртное и конфеты. Жениха не пропускают к невесте. Веня повернул голову в окно и увидел на кухонном балконе мать. Она стояла с соседкой. Обе смотрели вниз.

– Илья мой никак не найдет себе невесту, – вздохнула соседка.

– И Вене тоже пора... – сказала ма. – Я полотенце приготовила молодых с хлебом и солью встречать.

«Ага, пора, – улыбнулся Веня. – Один раз неудачно расписался к книге регистрации брака и вся жизнь насмарку».

Выходные дни предоставляли столько возможностей в реализации намеченных планов, что настроение поднималось само по себе.

В коридоре зазвонил телефон. Веня поправил на подтянутой талии трусы и бодро поспешил к телефону, чтобы взять трубку до того, как прекратятся звонки.

Звонил Геша.

– Веник, – послышалось в трубке голос с узнаваемым кряхтящим смешком, – Привет!.. Это я! Я чего хотел сказать. Сегодня Андрюха-хирург в час дня собирает всех у себя.

– Кто будет?

– Аркаша Вездесущев, Кузя, Федот, Сева... Все наши. Только посмей там не появиться!..

После этого Геша принялся смеяться и выдавать какие-то свежие шутки.

С хорошей новостью Веня вернулся в комнату и лег поверх разобранной постели, освеженной ветерком с улицы. С Гешей он подружился на первом курсе университета. Этот ненасытно общительный, остроумный и бесконечно веселый парень сразу привлек его внимание, как комик жизни. Он мог часами балагурить, фонтанировать шутками и держать в веселом напряжении окружающих. Часто обзванивал друзей, передавал приветы и организовывал встречи, вечерние посиделки, поездки, пикники, походы и культурные мероприятия. Они с Веней дополняли друг друга, как общительный и деятельный дополняет задумчивого и романтического; и как один остряк дополняет другого, рождая искрометный неожиданный юмор, который заряжает окружающих весельем и поднимает настроение. Их часто приглашали в незнакомые компании, где оба быстро осваивались и сплачивали коллектив вокруг себя.

Веня нравилось лежать и думать сразу обо всем. Мысли, сменяя одна другую, то плавно проплывали мимо пушинками и удалялись, то вспыхивали и мерцали светлячками, то порхали бабочками, то пролетами яркими кометами, быстро улетаая в забвение.

В университете они играли в КВН, – Веня был капитаном команды, – ходили в походы. С Андреем-хирургом их познакомил Кузя, сокурсник с факультета журналистики, двоюродный брат Андрея. С хирургом они не виделись несколько месяцев, со дня свадьбы. Незаметно его мысли закружили около Веры. Такая милая, непосредственная, серьезная девушка с правильным крепким стержнем в характере. Она казалась правильной, порядочной и хорошо воспитанной. Даже ее грудь выглядела миловидной, привлекательной и идеально правильной. Ее приподнятость вдохновляла его и поднимала в нем как главное, так и отдельное. Стоило ему посмотреть на ее грудь или просто вспомнить о ней, как он приходил в состояние трепетного желания присвоить увиденное себе.

– Ты не спишь? – спросила ма тихо, не вовремя войдя в комнату.

– Нет... – ответил Веня, обернувшись.

– Пора вставать, завтракать. Я приготовила сосиски и яичницу.

– Встаю, – улыбнулся Веня и с предвкушением хорошего дня рывком поднялся с постели.

Пока он чистил зуб, умывался и одевался к завтраку, улыбка не сходила с его губ.

За столом ма сидела напротив в белом платочке. Два крахмальные наглаженные кончика платка торчали под подбородком от узелка в стороны. Он любил смотреть в ее внимательные глаза, круглые, темно карие с глубиной спелой вишни, от которых шел уютный свет. Гладко зачесанные назад волосы обычно укладывались на затылке в пучок. Когда-то она заплетала волосы в косу, опускавшуюся ниже пояса и толщиной с руку. Косы той уже нет, но волосы по-прежнему оставались длинными. Яркий румянец побледнел от болезней. На висках появилась нежная седина. Ма менялась, но все равно оставалась красивой женщиной.

Веня взял вилку и приступил к поеданию сосисок. Сосиски поутру вели себя странно. Они вскакивали в тарелке торчком вверх то одним концом, то другим, а то сразу двумя. Веня улыбнулся. «Что за восстание сосисок?» – подумал он. Как человек склонный к изучению закономерностей он понял, как надо поступать, чтобы сосиски вскакивали регулярно. И подумал, что этот трюк нужно будет показать Геше. Или нет, нужно будет показать Вере, чтобы она поняла его состояние и его отношение к ней.

– Перестань баловаться и кушай, – сказала недовольно ма. – Возьми нож.

– Но это смешно, – сказал он в свое оправдание.

Веня кушал, смотрел на ма и улыбался. Через открытую дверь балкона шла весенняя свежесть. За окном виднелись дома, которые уходили вдаль, к шпилю Останкинской башни.

Жизнь человека во многом зависит от того, что он каждый день видит за окном. Если бы Веня не видел всех этих домов, безграничный городской пейзаж с колоссальной перспективой, он бы чувствовал себя несказанно бедным человеком. Солнце, тучи делали его впечатления яркими и неповторимыми. Там, за окном всегда происходило столько интересного.

- Расскажи мне что-нибудь. Кто тебе звонил?
- Геша... Андрюха-хирург нас в гости приглашает.
- Это врач из «Склифосовского», который нам лекарства доставал?
- Да.

– Спасибо ему. Хороший мальчик, вежливый, внимательный. Все расспрашивал меня, что болит, где и как. И потом несколько раз звонил, интересовался, принимал ли я таблетки и как я себя чувствую.

В походах Андрей всегда быстро реагировал на любую рану, порез, ушиб. И тут же начал промывать, смазывать, накладывать компрессы, бинтовать и уговаривал принять антибиотик. Обаятельный деликатный и приятный для общения человек...

Взгляд Вени скользнул за окно. На крыше кирпичного девятиэтажного дома у лифтовой надстройки снова висело белье на косо натянутой веревке.

– Что ты улыбаешься? – спросила мать.

– Снова белье повесили, – кивнул Вени ей за спину. – Висит, словно разноцветные семафорные флажки, которые передают срочную и важную информацию всем жителям соседних домов: «Мы за гигиену в быту!», «Стирайте чаще!», «Сушите белье на воздухе!», «Ходите в чистом!»

Ма обернулась.

– Смотри! На пятиэтажке ребята на крыше загорают. Вон там, левее перед нами... Который день с утра залезают на крышу с книгами. Видно, к экзаменам готовятся.

– Ира Кричалова замуж выходит.

Вени кивнул. Он знал эти песни.

– Голуби летают! – сказал Вени. Сосед Юрка, с которым он ходил в ясли на балконе держал пару белых голубей и гонял их. – Смотри, как кувыркаются! Это турманы! Вертуны!.. Просто загляденье.

– Я видела. Когда ты у меня женишься?

– Тебе хочется беспокойной, хлопотной жизни, неожиданных огорчений и семейных неурядиц? – спросил он с улыбкой и представил Веру у них дома. Одна такая вся правильная, самостоятельная, а другая ранимая, шепетильная. – Не представляю, как ты с кем-то будешь делить кухню.

– Я ее уступлю.

Вени посмотрел на нее с лукавством сомневающегося человека.

– Зарплата, когда будет? – спросила ма.

– Сходим с Гешей на разгрузку вагонов, и будет зарплата. Спасибо! – сказал он и поднялся из-за стола.

– Сырок, побрейся... – напомнила ма.

– Как ты меня назвала? Сырок?..

– Сынок... Что-то я оговариваться стала, – сказала ма с грустью и вдруг рассмеялась. – Здорово я тебя назвала?

– Здорово! Только я не понял, какой ты сырок имела в виду обычный или в шоколадной глазури? Или ты в этот момент представила меня мальчиком верхом на горшке?

– Ладно. Иди, брейся...

Вени взял из тумбочки электробритву и направился в ванную. Ма пошла за ним следом, старалась идти шаг в шаг за ним, на ходу повторяя:

– Я твоя тень... Я твоя тень...

– Немного поработаю над диссертацией, – сказал Вени после бритья.

Он сел за стол в комнате, разложил перед собой книги и тетрадь с черновыми записями для кандидатской диссертации. Хотелось получить двухкомнатную квартиру и повышение зарплаты. Но теперь, когда перспективы на работу становились туманными, а зарплату вообще не

платили, защита диссертации теряла всякий смысл и не шла. Он подумал о том, что ему пора менять жизнь и гражданский статус. Но с ма ему было хорошо. Она угадывала его мысли и желания, что создавало комфорт, и лишала изрядных хлопот. Захочешь салат «Оливье» или картошку пюре, а она уже все сделала и в квартире убралась и за квартплату заплатила.

Так и не начав работать, Веня пролистал тетрадь с научными записями в конец и освежил в памяти юмористические заметки, надеясь потешить друзей, после чего начал собираться в гости.

– Надень костюм, – попросила ма с излишним беспокойством. – Ты в гости идешь.

– К друзьям, – поправил он ее.

– Все равно...

Веня надел костюм и обул приготовленные, помытые и начищенные, ботинки.

– Плащ надень...

– Ну, это нет, – категорично сказал он. – Тепло...

Наступило время поцелуя. Веня повернулся к двери, ма потянулась к нему, прижалась мягкой полноватой грудью и поцеловала в щеку. Он любил ма, но ее ласки его смущали. Ему хотелось иных безумств. Однажды он попытался прекратить эти поцелуи, и ма, словно нечем стало жить. Она изменилась в лице, и тогда он вернул все обратно. Он любил ма, и корень его чувства сидел в нем глубоко и имел хорошо развитую и тонко организованную корневую систему.

– Только не поздно...

– Ладно, – ответил он.

Веня вышел из дома, набрал в грудь свежего воздуха и замер от радостного волнения. Робкая прозрачная зелень проглянувших листьев легким туманцем закрыла стволы деревьев, дома, машины, палисадники. Все словно занавесилось тончайшей тюлью весны. Земля ожила и задыхалась по-новому. Трава от любопытства потянулась вверх и встала на цыпочки, желая обогнать себя в росте. На лице невольно появилась улыбка. Глаза засияли. Душа радостно запела гимны молодости, солнцу, ранней зелени и обновлению жизни. Вене захотелось сделать что-нибудь невозможное. Захотелось скорее увидеть друзей, поделиться новыми чувствами и настроением. Он посмотрел вверх и, прощаясь, помахал ма. Прошел скверик у дома, взявшего кустарником и деревьями в каре детскую площадку с песочницей, перешел на другую сторону улицы и снова обернулся. Ма вышла на балкон. Он всегда ей махал с противоположной стороны улицы. Она обижалась, если он забывал это сделать. Мешали деревья. «Скоро они совсем вырастут и не дадут нам видеть друг друга», – подумал он, снова помахал рукой и направился в магазин на первом этаже кирпичной девятиэтажке, на крыше которой сушили белье.

Хотелось всех сделать счастливыми. В магазин он зашел с улыбкой первого космонавта на лице. Продавщица в винном отделе посмотрела ему прямо в глаза и в них что-то растаяло. У нее была симпатичная женственная грудь и неплохая фигура. Веня мысленно принялся было раздевать молодую женщину, как делал это обычно, но мысли о покупке вина занимали его больше. Раньше водка и вино плескалось по магазинам морем, разлитым по бутылкам. Хорошую книгу купить было невозможно. Потом книги и вино сравнялись. Постперестроечное время ушло куда-то вместе с дефицитом на все и ему на смену пришло новое время, когда всего кругом полно, а денег на это у народа нет.

– Хорошему человеку чего-нибудь порекомендуете, – подмигнул Веня продавщице. – А то этикеток столько новых, что глаза разбегаются.

– Вот, возьмите этот ликер, из Германии сделанный на киви. Очень приятный.

Расплатившись за ликер с карамельной зеленоватой жидкостью внутри и поблагодарив продавщицу, Веня вышел из винного отдела и зашел в магазинчик «Цветы». Цветы оказались

несвежие и дорогие. «Негоже, когда молодой человек приносит цветы и выглядит свежее цветов. И денег уже не оставалось. Придется явиться, как будто я сам букет», – подумал он.

К остановке подъезжал 112 автобус. Он двигался по маршруту от метро «Динамо», мимо его дома и дальше к конечной остановке «Химки-Ховрино». Ехать предстояло минут сорок. В автобусе Веня сел на свободное место к окну. Ма по-прежнему стояла на балконе. Ему вспомнился незабываемый эпизод из детства. Однажды днем маленьким мальчиком он проснулся и в щелочки глаз через едва смыкающиеся ресницы увидел красивую женщину. Она обнаженная ходила по комнате с распущенными длинными до бедер волосами. Он же лежал и боялся открыть глаза, чтобы видение не исчезло. Тогда он подумал: «Неужели эта красивая женщина моя мама?» Незаметно для себя он снова заснул, но впечатление к той женщине из сна не мог забыть до сих пор. То чувство, которое он испытал, сливалось с чувством к матери и вело его по жизни. Он вспомнил Натэллу... Прошло два года, но стоило ему подумать о ней, как все как будто снова вернулось, приблизилось и стало волновать с прежней силой. В то лето они с Гешей и Серегой Федотом собрались в Фанские горы Таджикистана. Позади покоренными остались Алтай, Кавказ, Крым. Андрияха-хирург и другие поехать не смогли. Кузнецов приехал провожать их к поезду «Москва-Душанбе», как всегда неожиданно с белобрысым сынишкой, похожим на него до невозможности. Седой или Кузя, как звал его Геша, был обвешан сумками с фотоаппаратурой. На нем висел тяжеловатый кожаный кофр и отдельная сумка с объективами. Он спешил куда-то на съемки. Говорил, что хотел бы с нами поехать, но у него нет ни копейки. Мы смеялись и предлагали ему поехать на правах усыновленного мальчика. Седой улыбался, хотя в глазах его тлела тоска и грусть. Когда поезд тронулся, мы помахали ему на прощание в окно. Нам его было откровенно жалко. Предстояло долгожданное путешествие. Билеты специально брали на поезд, чтобы в поезде следуя на Восток, внимательно посмотреть в лицо родины. Впереди были три дня разговоров о дружбе, жизни и будущем. За окном мелькали поля, леса, реки. Потянулись барханы. В Самарканде в вагон сели люди в халатах, тубетейках с непривычно бронзовыми, смуглыми лицами. Они садились по три человека на одно свободное место с тюками и баулами. Билетов большинство из них не покупали. Между собой и с проводницами они говорили на своем гортанном отрывистом языке. На нас, как на чужаков, посматривали с недоверием. Вагон заполнил новый кисло-сладкий запах пота смешанный с душистым запахом фруктов. Это был запах людей, которые жили другим укладом и другими ценностями. С новыми пассажирами оставалось ехать меньше суток. Велико же было удивление, когда в Душанбе на перроне снова появилось яркое и знакомо белое пятно головы светлого человека. «Седой!» – вырвалось удивленное у Гешы. И действительно на перроне поезд встречал порывистый, деятельный обвешанный фотоаппаратурой Кузнецов. Оказалось, он за два дня заработал денег, купил билет на самолет, прилетел в Душанбе, созвонился с местными корреспондентами, сделал снимки и поспешил нас встречать. Сначала была растерянность, которая скоро сменилась радостью. Теперь нас стало четверо и значит, все обещало быть лучше задуманного. Вместе поехали на турбазу «Варзоб», откуда планировали отправиться в горы. Дешевое сухие вина «Варзоб» и «Душанбе, обилие фруктов делали свое дело. К вечеру на базе перезнакомились с такими же приехавшими туристами. И дальше для Вени наступила восточная сказка. Он познакомился Натэллой и почувствовал, что не принадлежит себе. Тонкие черные брови, мягкий овал лица, счастливо приподнятые щеки, глаза, в которых скрывалась мягкость черного бархата южной ночи, и стройность лани забрали у него сердце. Теперь его глаза хотели видеть ее образ, его уши хотели слышать ее голос, его сердце томилось в ожидании встречи с ней. В первый день похода они отправились в горы от озера Искандеркуль, названного, как говорили, в честь Александра Македонского. Несколько часов затяжного подъема давали о себе знать. Тяжелые рюкзаки давили на спины и тянули вниз. Натэлла понемногу начала отставать. Он забрал у нее рюкзак и пошел с ней рядом. Еще через несколько часов на нем кроме своего висело два рюкзака. Последние три часа до стоянки с ними по горной тропе

шли овцы и пастухи. Старшему, ехавшему на осле, понравилась Натэлла. И он предложил ей ехать на его осле. Она отказалась. Вечером старший прислал посыльного к инструктору сказать, что он за нее дает двадцать овец. Затем он предложил двадцать пять и тридцать. Ему отказали. В тот раз Веня понял, что значит женщина на Востоке. Проводник предупредил, что Натэллу могут украсть. И они до утра по очереди сидели у костра и сторожили спящих девушек. Утром снова пошли по тропе, уходившей круто вверх ...

Веня посмотрел в окно. Автобус проезжал Тимирязевский пруд... Он снова погрузился в воспоминания.

На второй день к обеду они забрались на снежный перевал и не знали, как спускаться. Проводник сказал, что нужно спускаться по снегу очень осторожно, так чтобы не спровоцировать сход лавины и ушел спускаться в другое опасное место. Они стояли, с недоумением смотрели вниз и не знали, что делать. На медленный спуск мог уйти целый день. Ночевка на снегу не предвещала ничего хорошего. Веня сел на свой рюкзак и потихоньку поехал вниз. Снег крепко держался за гору, подтаивая от солнца снежными кристаллами сверху. Он почувствовал себя увереннее, перестал притормаживать, вытянул ноги вперед и набрал высокую скорость. Ветер разбойником дул в лицо и свистел в уши. Он катился вниз, подпрыгивая на неровностях, и опасался быстро приближавшейся расщелины, чернеющей рваными краями на белом снегу. Метров за двадцать до нее он начал тормозить. Из-под каблуков летели комья снега. Остановившись, он встал с рюкзака и помахал остальным, которые снизу казались просто крошечными. За ним следом съехали друзья. И они вместе стали ловить остальных, чтобы те не съехали в глубокую расщелину. Потом они долго спускались по снегу, и вышли на горные луга. Стали попадаться фруктовые деревья. Кустарники с вишней и абрикосовые деревья. Когда они встретили первое абрикосовое дерево, плодов на нем было больше листьев. Оно казалось солнечно-желтым от абрикосов. Все сбросили рюкзаки и стали рвать плоды. Он рвал плоды, и подносил их к губам Натэллы. Она ела золотисто-бархатные плоды, сама рвала плоды с веток и кормила ими его. Когда они уходили от того дерева высокого статного исполина с раскидистой кроной, оно оказалось изумрудно зеленым. Все абрикосы дерево отдало им. Они шли по горам, отдыхали под вишнями, ели фрукты и любили друг друга. На второй ночевке он и Натэлла ушли от костра, сели у горного ручья напротив темных гор с профилем лежащего Мефистофеля с бородкой и выразительно горбатым носом, который изображали горы на фоне тлеющего в угасании неба и стали целоваться. Чувства переполняли их, и они наполняли ими друг друга. Поутру шли под палящими лучами солнца, поднимались в горы, спускались в долины. Этим днем в горах они остановились около круглого озера. Такого идеально круглого и бездонного озера он нигде не видел. У местных оно считалось священным, и те приезжали сюда с муллой и устраивали на берегу жертвоприношение. На пятый день вышли к горной реке, которая шумом, падая с гор, бурлила, уносила вниз к долинам и дарила прохладу. На берегах горной и своенравной красавицы-реки стояли ее преданные охранники, высокие и стройные пирамидальные тополя. Они светились стволами, которые на солнце казались белым изящным одеянием. В эту ночь они спали в саду, который окружал арык. Спали под яблонами, грушами, сливами, абрикосами... Лежали под деревьями, целовались и на них сверху падали вкусные зрелые плоды. Все остальные ребята для них перестали существовать. Их чувство росло и крепло с каждым часом, с каждой минутой и с каждой секундой. От поцелуев и сухого ветра губы у обоих потрескались и кровоточили. Но они все равно целовались через боль. Потому что иначе не могли. Походные дни пролетели, как мимолетное счастье. Наступила пора расставаться. Оба переживали за будущее и, проводя вместе последние часы, смеялись и плакали. Ей нужно было остаться Душанбе продолжить учебу в университете. Он должен был улететь в Москву. Пора было на работу. Отпуск заканчивался. Они писали друг другу письма и ждали встречи. Иногда в день по два-три письма. На зимние каникулы она прилетела в Москву. Вместе бродили по заснеженной Москве, смеялись, плакали и клялись, что никогда

не расстанутся. И снова расставание и снова их соединяли только письма. На конверте в графе «Куда» он неизменно писал индекс «Душа-нбе». И вкладывал внутрь письмо: «Ната! Наточка! Милая моя! Помни, я всегда с тобой! Вот ты идешь в ванную умываться и подставляешь руки под воду. Но это не вода падает тебе в руки – это я! Ты умываешься мной! Не вода омывает твоё лицо. Это я сам растекаюсь ласково по твоему лицу. Вот ты берешь расческу и расчесываешь волосы. Но в руках твоих не расческа. Это я глажу тебя по голове и волосок к волоску разбираю твои волосы. Вот ты надеваешь новое платье! И тебе кажется, что ты в нем красива. Но это не твоё платье. Это я обнимаю тебя нежно-нежно. Я окружаю тебя всю. Я становлюсь твоей одеждой. Я твой сапожок, твоя босоножка. Я воздух вокруг тебя. Я пылинки на твоей кофточке. Я улыбка на твоих губах. Я все вокруг. Ты берешь меня в руки, и я превращаюсь в карандаш для ресниц, в тушь в губную помаду. И я тянусь к бумаге и пишу на ней: «Я тебя люблю!» Ты начинаешь думать о чем-то, но я превращаюсь в твои мысли и говорю тебе: «Я тебя люблю!» И в ответ летели удивительные письма. «Любимый, родной, милый... Ты самый, самый...» Оба ждали лета. Но ближе к лету все изменилось, и их любовь переехала машина «Скорой помощи». На этой машине увозили с инфарктом в больницу ее отца. Натэлле пришлось вместо матери лечь в инфекционную больницу с крошечной сестренкой. Перед самым отлетом в Душанбе к ней у ма случилось жуткое воспаление легких. Он не мог улететь и должен был остаться. Но и остаться он не мог. Ма, добрая и все понимающая, попросила положить ее в больницу и лететь. Он так и сделал. И снова встреча. Все как будто налаживалось. Ее отец вышел из больницы, сестренка поправилась. Она познакомилась с родителями. Но все было уже не так. Словно на том месте, где была любовь, осталось лишь ее эхо. На третий день она сказала слова, которые разделили их окончательно: «Все прошло». Он хотел сказать удивительные слова, которые для нее приготовил, которые могли вернуть их в то время, когда они были счастливы. Он сентиментально улыбался, но внутри его плакала музыка Антонио Вивальди. И его слезы падали ему на ноги, превращаясь в камни и как будто разбивали ноги в кровь. Он это чувствовал, улыбался и молчал. Он хотел сказать ей: «Я люблю тебя до слез, до боли, до удивления. Я люблю тебя, как богиню!» Но ей не нужны были его слова. И снова расставанье. Он улетал в Москву. Она поехала на аэродром его провожать. «Скажи мне что-нибудь», – попросила она. Он помолчал и тихо сказал: «Когда-нибудь, потом, через много лет ты проснешься оттого, что по твоему лицу будут течь мои слезы». Он уходил к самолету и обернулся. Она вся встрепенулась. Он больше не оборачивался. Ему показалось, что она плачет. По прилете он забрал ма из больницы и стал сам ухаживать за ней. Она постепенно пошла на поправку. Ему хотелось, чтобы Натэлла написала или позвонила. Он сам хотел ей написать или позвонить. И они обменялись письмами и звонками. Но ничего не изменилось. Они расставались. Он страдал. Сердце болело, словно зарезанное. Иногда казалось, что он слышит, как в нем хлюпает кровь. Он писал письма и не отправлял их. «Я тебя люблю!.. Люблю!.. Люблю!! Тысячу раз люблю! И хочу, чтобы ты стала моей. Я хочу излюбить твои губы, тебя всю. Я люблю тебя страстно и нежно. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. И я бы приносил тебе нежнейшие ласки, и я бы лелеял твои губы голубиными поцелуями. Я бы входил в тебя нежно, нежно. И растворялся бы в тебе. И ты бы входила в мою душу. И мы бы целовались губами и душами, и прорастали друг в друга. Я тебя люблю! Люблю! Люблю! Приди ко мне! И я стану лучшим садовником, который растит, холит и лелеет розу нашей любви! И моя любовь станет еще выше, сильнее и красивее. Она превратится в замечательную самую красивую розу, которую никто никогда до сих пор не видел. И люди будут приезжать посмотреть на нее со всего мира. И роза будет делать их счастливыми. И они проникнутся ее красотой и будут сами любить дерзко и удивительно». Потом ему приснился сон. Будто он бежит, молодой, сильный, красивый, и рядом с ним бежит старик с протезом вместо ноги, и на костылях. Бежит и гремит деревяшками. И ему становится тяжело осознавать старика рядом. Он прибавляет скорость, чтобы убежать от преследователя и избавиться от тяжелого ощущения чьей-то близкой смерти.

Но старик не отстает и тоже прибавляет в скорости. Бег дается ему тяжело. Он весь дергается, вихляется, голова у него ужасно дергается. И понятно, что это его последние секунды, что это его конец... Тогда он проснулся от странного, тревожного и сжимающего сердце ощущения, что это бежал не старик, а его искалеченная любовь... В тот день он написал последнее неотправленное письмо: «Любимая, прощай! Прощай и прости, что не смог сберечь нашу любовь. Я буду помнить тебя до самого конца своего, до самой последней минуты, когда глаза моим, последний раз закрывающимся будет больно оттого, что они не видят тебя. Когда язык мой промолвит последнее слово – твое имя и уши последний раз услышат его. Прощай, любимая, и прости! Я бесконечно горько переживал теперь уже бесконечную разлуку. Мне было больно так, как я завещаю тебе ничего подобного не испытывать. Живи в радости и будь счастлива. Прощай, о вечно юная любовь моя. И пусть слезы, мною невыплаканные, превратятся в ручьи и реки, и пусть они оросят твои поля и пусть на них прозреет зерно твоего счастья и пусть оно взойдет и созреет...»

Веня посмотрел в окно и подумал: «Где я еду?.. И куда?.. За воспоминаниями, которые сначала приблизились к нему вплотную, а потом и вовсе перенесли в другое время, он потерял себя в реальном пространстве.

– Простите, – торопливо обратился он к попутчикам. – Где мы едем?..

Веня вышел на следующей остановке и осмотрелся. «Белая башня...» – мысленно повторил он ориентиры и увидел белый двенадцатиэтажный дом.

Конечно, Геша уже был у Андрея. Его нарочито веселый голос клоуна жизни с веселыми нотками Веня услышал, едва приблизился к двери. Веня поднял руку и нажал на звонок. «Я открою», – сказал за дверью Геша, чувствуя себя в чужой квартире, как дома.

– Вот и я! – развел в стороны руки Веня.

– Веня!.. Веник!.. Венюша... – запричитал Геша, открывая дверь шире, и засмеялся кряхтящим смешком. – А я думал, ты заблудился в трех соснах где-то на подступах между домами. – Мы тебя ждем, ждем... Заходи...

– О!.. Кто пришел!.. – закричал Андрей. – Здравствуй, Веня!.. Анаида, иди, встречай гостя...

– Привет! – поздоровалась пришедшая в прихожую Анаида и взяла Веню за руку. – Пойдем, я квартиру покажу. Мы только переехали и порядок навели. Это прихожая... Иди сюда... Здесь кухня, маленькая, но удобная... Большая комната... Дальше за ней проходим в спальню... На этом ковре я возлежу во всех видах, – сказала она радостно и шутливо.

Веня представил, как это все происходит в подробностях, улыбнулся и покраснел.

– Жалко, что я этого не вижу, – сказал он шутливо и так смущенно, что теперь покраснела она.

Рядом стоял Андрей и широко улыбался. Он радовался гостям, как ребенок.

– Кто еще придет? – спросил Веня.

– Аркаша Вездесущев... – с предвкушением произнесла Анаида.

– Сева... – добавил из-за спины Геша.

– Кузя сейчас должен прийти, – воскликнул Андрей, который с детства так называл брата.

– Федоточкин не придет, не сможет, – сказал Геша.

Первым из ожидаемых пришел обвешанный фотоаппаратурой Кузнецов. Едва он снял с себя сбрую из сумок и поздоровался с каждым, в дверь снова позвонили. И в открытой двери появился Аркаша.

– Здравствуйте. Я ненадолго, – энергично и деловито предупредил он. – Мне еще материал монтировать в студии для ночного эфира... Время деньги.

– Меня тоже, между прочим, ждут миллионы читателей, – сказал Кузнецов.

– Давно не виделись, – сказал Аркаша Кузнецову, снимая ботинки, и с улыбкой пожал всем руку и повернулся к Андрею. – Тебе спасибо за таблетки. Бабушке лучше стало.

– Дайте поесть! – заныл как всегда голодный Кузнецов.

– Проглот, – иронично заметила Анаида.

– Журналиста, как и волка, ноги кормят, – ответил тот.

– Давайте накормим Кузю! – сказал Андрей и безмерно ласково погладил двоюродного брата по голове. Он статью опубликовал в «Комсомолке» о морях.

– Мы с Гешей читали, – сказал Веня.

– Завтра в «Культуре» публикуют мои фото, – с деловитой хвастливостью проинформировал Кузнецов.

– Аркаша, у тебя как дела? Ты сейчас где? – спросила Анаида.

– Сотрудничаю с первым каналом, – скромно сказал Аркаша.

– Да ты что?! – обрадовался Геша.

– Поздравляем, – стукнул по плечу Аркашу Андрей.

– Программа «Время», – добавил Аркаша. – Первый материал в вечерних новостях пойдет. Ночью дадут полностью мой репортаж. А в воскресенье в итоговой программе будет еще материал.

Только с Аркашей и Кузей зашли на кухню, как в дверь позвонили.

– Это Сева, – сказал Геша.

Все пошли в прихожую встречать Севу.

В квартиру зашел молодой человек, высокий, сублильный, порывистый с тонкими нервными плещущимися руками, которыми он передавал смысл и эмоции сказанного. Он за руку ввел молодую девушку, которая оказалась его беременной женой и настоящей красавицей, высокой статной, плавной и несущей светлую косу за спиной, как некую генетическую и красивую память о предках. Стало понятным, что она станет украшением вечера. Сердцем вечера, его мотором и огоньком являлась Анаида.

Сева уже в коридоре принялся шептаться с Андреем и Аркашей, достав из кармана пачку с тонкими коричневыми сигаретами. Каждый приносил какие-то иностранные вещишки, которые скрашивали серые социалистические будни. При этом Сева любил секретничать и говорить конфиденциально.

– О чем вы там шепчитесь? – спросила Анаида.

– Рейган такие курит, – со знанием дела заявил Аркаша, показывая пальцем на импортные сигареты.

– Покурим, – сказал Андрей и в предвкушении с резвостью ребенка, которому сейчас в рот дадут что-нибудь вкусное, и потер рука об руку.

– Потом покурите, – сказала Анаида требовательно. – Андрей, приглашай всех к столу.

– Пойдемте, – замахал руками Андрей, дирижируя симфонию под названием «Детская радость встречи». – К столу!.. К столу!..

Все говорили, перебивая друг друга и желая сказать что-то свое очень важное.

– Когда мы последний раз собирались? – спросил за столом Геша.

– У меня на свадьбе, – вспомнил Андрей.

– Кого-нибудь видели из нашей команды КВН.

– Эрика недавно видел. Они с Людкой расписались, – сообщил Кузя.

– А я походников наших видел... Олега, Иру, Пашу... Они до сих пор ходят, – сказал Сева.

– Мы знаем, отозвался Веня. – Они нас приглашали. Но в эти выходные с Гешей работали.

– Андрей!.. Как у тебя дела в клинике? – спросил Аркаша.

– Плохо. Платят мало, с лекарствами дефицит. Мы с Анаидой решили, что уедем за границу. Вот защищу кандидатскую, докторскую и уедем.

– Послушайте! Послушайте все меня, – закричал Геша, перебивая остальных. – Поедем вместе куда-нибудь летом!

– Куда? – спросила Анаида.

– На Сахалин!.. На Байкал!.. Куда угодно...

– А что?.. Давайте рванем! – загорелся Андрей.

– На Сахалине я был... – сказал Кузнецов. – Я там снимал репортаж...

– Поехали, – поддержал общий порыв Веня, желая испытать прежнее чувство в дружеских совместных походах.

– У меня не получится, – предупредил Аркаша. – Я только устроился на работу. Мне отпуск не дадут.

– Федоточкин поедет, – уверенно сказал Геша.

Сева опустил голову и молчал, испытывая понятную привязанность и к округлому животу беременной жены

– Давайте выпьем! – предложил Андрей.

– За твою новую квартиру, – сказал Веня.

– За нас всех! – сказал Андрей.

Шумно налили вина, чокнулись, выпили, заговорили. Анаида принесла метеокарты с циклонами и антициклонами и принялась рассказывать о прогнозах погоды. Она работала «Гидрометцентре», знала точные прогнозы погоды для каждого района страны на месяцы вперед, чем мы пользовались, когда собирались в походы.

– Пусть Сева споет, – предложил Геша.

Все замолчали и посмотрели на Севу, который рассказывал, как он стал частным предпринимателем и вложил свои деньги в изготовление собственного экскаватора. Сева играл на гитаре и пел, как бог. Серега Федоточкин душевно исполнял бардовские песни. Сева же пел только эстрадные песни, высоким пронзительным голосом. Где бы Сева ни начинал петь, как тут же собирались толпы слушателей.

– Гитару не взял, – спокойно ответил Сева и повернулся к Кузнецову, с которым обсуждал нехватку денег для собственного бизнеса и отсутствие важной детали у экскаватора.

– У меня есть, – сказал Андрей, поднялся и принес из спальни гитару, которая висела на стене.

Сева принял гитару, недоверчиво осмотрел и поморщился, как настоящий знаток. Пристроил аккуратно инструмент под руку и, трогая лады на грифе, пальцами перебрал струны.

– Ладно, – сказал он, оставшись вполне довольным звучанием. И набрал в грудь воздуха.

После короткого проигрыша он запел, да так, что Веня почувствовал, как его с мурашками побежавшими по спине забирает звучание высокого голоса, который передавал особую трепетную манеру исполнения. Она была немного нервной, импульсивной. Как будто он перебирал не струны гитары, а недоступные тонкие струны слушателей. Он пел так, что забирал душу каждого себе. Кровь прилила к лицу и в волнении потекла по всему телу, разнося тепло, будоража мышцы, и комок чувств подкатил к самому горлу. Сева спел одну за другой несколько песен и отложил гитару. Все смотрели на него, затаив дыхание.

– Спой еще, – попросила Анаида.

– Не, – мотнул головой Сева и едва заметно поморщился.

Сева был звездой нашей компании, а мог стать звездой эстрады. Почему он не хотел ей становиться для нас оставалось загадкой.

– Приходите к нам в зоопарк, – неожиданно предложил Геша.

– Что там у вас интересного? – спросил Андрей.

– В нашем слоновнике появился осел... – сказал Геша и, кряхтя, засмеялся.

– К нашему стаду слонов прибил осел, – уточнил Веня и тоже засмеялся. – Кто-то катал детей на этом животном у зоопарка и бросил.

– Вы еще не открыли свою фирму? – спросил Сева порывисто. – Ты же хотел, Геша?
У Геши всегда было уйма планов. И ему легче было придумывать новые, чем воплощать старые.

– Все открываем завтра свое частное предприятие по прокату осли, – сказал Геша и засмеялся. Будем катать на нем всех желающих. И каждый из вас может стать первыми клиентом нашей фирмы.

– Только не по прокату осли, а прокату ослов, – поправил друга Веня. – Мы с тобой тоже можем детей и взрослых катать.

Все грохнули смехом. И заговорили, перебивая друг друга, каждый о своем. Аркаша о телевидении, Андрюха о больнице, Анаида о «Гидрометцентре», Кузнецов о газетах и журналах. Геша постоянно выкрикивал смешные реплики, комментируя рассказы других. Жена Севы смотрела на всех большими зелеными глазами ласково и поощрительно. Веня с улыбкой слушал друзей, растворившись в них. Ему тоже хотелось как-то отличиться. Он налил вина и поднялся с фужером

– Пусть Веня чего-нибудь скажет, – казал Геша.

– Я хочу вас всех осеменить!..

– В каком смысле? – спросил Андрей с предвкушением.

– Поделиться семенами нового юмора... Для разминки загадки. «Какое дерево говорит о своих способностях затенять?»... – Веня сделал паузу и продолжил. – Ясень... Я – сень... – И дальше Веня принялся выдавать загадки с репризами одну за другой. – «Что помогает женщине не стареть, а мужчине мешает быстро раздеться?..» – Подтяжки. «Как называются месячные, регулирующие жизнедеятельность семьи?..» – Зарплата. «Как называется лекарство, которое успокоит любого мужчину?» – Подподол.

Веня хотел продолжить, не обращая внимание на смех и комментарии, но в этот момент солнце, ярко освещавшее комнату, слепя, стало светить ему прямо в лицо. И тут на Веню что-то нашло, его будто осенило. Он встал и, глядя в лицо заходящему солнцу, сильно шурясь, произнес:

– Я лучезарный! Я освещаю здесь все! Через свет я несу всем добро и счастье! Вы тонете в этом свете! Вам хорошо! – Веня говорил отчужденным голосом проповедника, пророка, снизошедшего на землю Бога. Он говорил и не мог остановиться. Слова лились из него плавной струей чувств. Он понимал, что владеет всеми. И сейчас все, кто его слушал, могли пойти за ним куда угодно. – Свет – это главное чудо земли! И пока я дарю вам этот свет, у вас все будет прекрасно! – закончил он.

Друзья молчали. Никто не мог понять, что это было.

– Здорово, – сказала Анаида. – Лучезарный!!!.. Почти по Маяковскому – «Я и солнце». Давайте выпьем за Лучезарного.

– За Лучезарного, – подняла бокал с соком жена Севы.

– За свет! – добавил Андрей.

– За электричество! – с юмором вставил Геша. – И за газ. Газ – это тоже, знаете ли, кое-что...

– За Лучезарного, – поддержал Кузнецов Анаиду.

– Нет!.. – сказал Веня. – Выпьем за то, чтобы солнце всегда нам светило и все у нас было хорошо!

Налили вина, выпили. Под шутки, смех и веселый шум Веня с Анаидой выскочили на балкон. Веня развеселился, расчувствовался до предела возможного и готов был поэтизировать все вокруг.

– Смотри, какие у вас здесь богомольные тропки! – воскликнул он, удерживая на себе ее и без того пристальное внимание.

– Богомольные? Почему богомольные? – удивилась она, готовая удивляться вновь и вновь.

– Смотри, как они крестятся... – показал вниз Веня.

И действительно несколько тропок на пустыре у дома, перекрещивались, образуя кресты.

– Они крестятся и крестятся... Богомольные... – говорил с чувством Веня. И дело было сейчас не в словах, а в том восторге, который он ощущал от общения с друзьями и предчувствие которого носил в себе с утра.

– И, правда, – вырвалось у Анаиды.

И тут Веня вспомнил, как она говорила о том, что лежит во всех видах на ковре, и увидел ее распахнутые ожиданием чего-то приятного глаза и понял, что он чересчур расчувствовался и его не туда понесло. Ему нужно было откатиться обратно, но от него сейчас ждали новых ассоциаций и удивлений. В это время на балкон вломился Андрей.

– Чего вы тут делаете? – спросил он весело и немного растерянно.

И Веня почувствовал, что его глаза кольнули его ревностью.

– Лучезарный говорит, что у нас тут богомольные тропки, – засмеялась Анаида.

На балкон за Андреем вышел Геша.

– Чего это мы здесь столпились?

– Богу молимся, – пошутил Веня.

– У вас здесь что секта? Тогда я с вами, – закричал смешком Геша.

Они стояли вчетвером и болтали. Затем снова пошли к столу. Аркаша засобирался уходить. Все вышли в коридор его провожать. Еще посидели, выпили вина, поболтали. Незаметно свечерело.

– Десятый час, – сказал Веня и поднялся. – Мне пора.

Его стали уговаривать еще посидеть.

– Ма ждет, уже начинает нервничать. У нас с ней телепатическая связь.

– Я тоже поеду, – сказал Геша.

У лифта они еще постояли. Одни не желая отпустить гостей. Другие не желая уходить.

На улице Веня и Геша слышали, как их окликают сверху. Они обернулись и посмотрели вверх на восьмой этаж. Друзья вывалились на балкон, что-то кричали им и махали руками. Веня и Геша помахали им снизу. Заходящее солнце отражалось от стекла балконной двери, делая его раззолоченным.

– И пусть солнце всегда светит нам, – сказал Веня, впитывая в себя картину уходящего дня. Ему показалось, что это никогда больше не повторится. Он никогда больше не будет стоять у этого дома. И ему сверху не будут махать его друзья. Все изменится и поэтому не повторится.

Они с Гешей последний раз вскинули руки в прощальном приветствии и пошли к автобусной остановке между домами.

– Мне кажется, что вот так, в такой компании мы больше не встретимся, – сказал Веня.

– Анаида сказала, что они из страны собираются уезжать. Андрюха защитит диссертацию и уедут, – сказал Геша, снижая тональность, и с чувством скривил рот. – Я никогда не уеду.

– Я тоже не уеду, – сказал Веня.

– Зарплату, похоже, опять не заплатят, – сказал Геша, восстанавливая тональность.

– Наблюдая за людьми и животными в нашем зоопарке, я сделал кое-какие выводы. Как только у человека кончаются деньги, он постепенно становится животным. А когда у животного кончается еда, оно звереет и становится опасным для окружающих.

– Ничего, заработаем, – прокричал Геша, залезая в подошедший к остановке автобус. – Сейчас в зоопарке все только и говорят о спонсорах.

– Спонсоры, спонсоры... Как будто руководству и всем остальным попала в рот вкусная и не теряющая своих качеств жвачка.

– Ладно, деньги кончились – пора идти на Белорусский вокзал, радиоаппаратуру разгрузить. Опять в ночь, чтобы проверяющие не нагрянули, – говорил Геша, усаживаясь на сидение рядом с Веней.

– Женя звонил. На Красную Пресню должна фура-длинномер с зубной пастой из Болгарии приехать. Груз в картонных коробках. Разгрузка вечером, как раз после работы. Не то в среду, не то в четверг. Сгружать в подвальное помещение аптеки.

– Я как вспомню мясокомбинат, так смеюсь, – заулыбался Геша.

– Я тоже...

И они оба начали смеяться.

– Ребята из циркового училища настоящие мастера... – смеялся Веня. – Как они жонглировали колбасой и сосисками...

– И как при этом колбаса и сосиски перелетали через забор, – смеялся Геша.

– А за забором другие студенты ловили все это в сумки... – гоготал Веня.

Они закатывались смехом, ловили ртом воздух и не могли больше ничего говорить...

– А этот...

– Кто...

– В фуражке...

Каждый говорил одно слово, ловил воздух губами и снова заливался хохотом.

– Да...

– Он... Он... Подошел к нам перед работой...

– Да...

– И гово... Гово... рит... Вы чтобы... Чтобы... Чтобы у меня ни-ни...

– А потом? Помнишь?

– Да... Я думаю, кто это... Кто это ногу коровью тащит?.. Смотрю... А это ох... Ох...

Охранник...

– Пьяный... Еле идет... И коровья нога... По земле... По земле волоком...

– Он ее к проходной...

– Тащит... К дереву прислонился... С ляжкой коровы... .. И стоит...

– Изнемог... Из сил выбился... Такую тяжесть... Тащить...

– Своя ноша... Своя не тянет...

– Геша, твоя остановка... Кинотеатр «Байкал»...

– Все давай... Завтра созвонимся...

Веня пожал ему руку и проводил взглядом из автобуса.

С полуулыбкой на лице он ехал домой и вспоминал мясокомбинат. Колбасный цех... Вагоны с аргентинским мясом. Всю ночь они разгружали полутуши из вагонов в холодильные камеры.

Когда дверь в квартиру открылась, Веня увидел в коридоре большие от беспокойства, карие глаза обеспокоенного родного человека.

– Почему так долго? – спросила ма.

– Автобус долго ехал, – ответил Веня.

– Кушать будешь? – спросила ма, потому что про это не спросить не могла.

– Нет, не буду, – сказал он, улыбнулся и поцеловал ма в щеку.

Глава вторая «Экзотика на дом»

В то время как страна пыхла под натиском проблем разваливающего Союза и, пошатываясь, тщетно пыталась встать на ноги, в фирме «Экзотика на дом» работа шла легко, без натуги, деловито, кипела без пара и неприятных запахов. Здесь деньги издавали музыкальные звуки: по-шопеновски шуршали, завораживающе легкомысленно тонко, изящно шелестели и издавали эстрадный хруст. Они распространяли не какой-нибудь тяжелый убийственный запах трагедии или драмы. Они источали привлекательные, пикантные запахи мелодрамы и любовных романов. Они пахли свежей типографской краской, дорогими духами, одеколонами, туалетной водой, красивой жизнью, радужной перспективой и обещанием исполнения всех желаний. Здесь никто не напрягался, не потел, потому что это могло испортить воздух, что в свою очередь помешало бы деликатной работе.

Офис фирмы располагался в двухэтажном особняке, принадлежавшего в начале двадцатого века зажиточному московскому купцу. В этом особнячке при социализме располагались самые разные организации, последней в череде которых была организация, занимающаяся починкой громоздких вычислительных машин, которые сменялись легкими персональными компьютерами. В этом здании пахло стариной и чувствовался купеческий размах. На первом этаже особняка располагались торговые купеческие лавки и вспомогательные помещения, где велись расчеты и учитывался товар. Здесь чаще всего слышалось: «Чего изволите-с?», «Не желаете-с...» и «С нашим удовольствием...» Скорее всего сам купец и его домочадцы проживали на втором этаже. В доме имелось много затейливых ходов, которые соединяли помещения. Кроме двух этажей имелся цокольный, полуподвальный этаж. В него можно было спуститься по ступенькам с первого этажа. Здесь в помещении без окон располагался склад, где хранился весь купеческий товар. Сюда его разгружали с телег и заносили с улицы. Отсюда наемные рабочие поднимали товар наверх в лавки для продажи. Во времена Горбачева здесь располагались кооперативы, которые отсасывали большие деньги крупных предприятий в карманы новых предпринимателей, которые работая на этих же предприятиях в «отделах сбыта», оказывали посреднические услуги и выделялись в «Торговые дома». Здесь располагалась контора по ремонту импортной бытовой и электронной техники, которая занялась продажами персональных компьютеров, быстро разбогатела и переехала в более престижное здание. Новые полукриминальные хозяева исторического здания взяли его в аренду, присвоили и, обязуясь охранять старину и самобытность, стали тут же перестраивать. Они облицевали плиткой цокольный этаж, надстроили мансардой, снесли бревенчатые перегородки, заменили их легкими современными, сделали евроремонт и стали сдавать здание под офисы в центральной части Москвы. В этом здании на первом этаже и расположился офис фирмы «Экзотика на дом».

Кабинет Генерального Директора фирмы «Экзотика на дом» Альберта Геннадиевича Имелова сверкал, гордо пучился и самодовольно выпячивался престижной офисной мебелью, современной отделкой и источал каждой деталью, каждым предметом и вещью лоск и блеск победителя и виртуоза жизни. Этот кабинет мог бы рассказать о его обладателе много интересного, но он молчал, храня все тайны его обладателя, как и положено преданному слуге. Пока там, на самом вершине государства, занимались приватизацией всей страны, Имелов делал свое скромное дело, создавая богатство собственными руками и подручными средствами. Он не залезал в государственный карман. К этому карману его не подпускали важные люди. Он не пытался влезть в нефтяной и газовый бизнес или стать алюминиевым королем. Ставки там были чрезвычайно высоки, а ему была дорога жизнь. Время и обстоятельства и без того давали

ему возможность вполне проявить свои таланты. Он кругом видел разбросанные деньги и говорил своим друзьям и партнерам: «Деньги кругом. Они валяются под ногами. Надо только не лениться, нагибаться и собирать». Он одним из первых начал завозить товары из Европы. С Цыпочкой они основали кооператив «Зевс» и одними из первых построили свой магазин в престижном месте, чтобы вести торговлю. Через некоторое время он почувствовал, какой деловой хваткой обладает его партнерша, продал этой ласковой женщине свою часть бизнеса и открыл собственный магазин. Он торговал одеждой, затем торговал продуктами. Но на данный момент его увлекал другой бизнес. Народ начинал сходить с ума от экзотических животных. Внезапно разбогатевшие и одуревшие от шальных денег граждане из числа так называемых новых русских, не зная, куда девать не совсем честно заработанные деньги, чтобы подчеркнуть собственную исключительность, неповторимость, важность и особенность, покупали редких и экзотических зверей. У кого-то по квартире уже разгуливал леопард. У кого-то в ванной, словно игрушечный катер, плавал крокодил. У некоторых квартира превратилась в серпентарий и кишела ядовитыми змеями. Даже на улицах городов в людных, привлекательных местах, появилась мода фотографироваться с обезьянкой, пони или игуанчиком. И первым почувствовал эту потребность он, Альберт Геннадиевич Имелов. Спрос, как известно, рождает предложения. Аппетиты растут по мере потребления продуктов потребления. Он заинтересовался «живыми деньгами», то есть экзотическими животными и через своих людей организовал как эксклюзивную торговлю под заказ, так и торговлю на птичьем рынке. Он открыл свой первый зоомагазин. И еще через некоторое время новую фирму «Экзотика на дом», на которую возлагал большие надежды. Наступало другое время, когда малые предприятия, кооперативы, набрав силу и накопив достаточно средств, начинали поглощать крупные ослабевшие государственные предприятия. Привыкнув жить по глобальным планам, громоздкие и неповоротливые они без государственного ока не знали, что делать, как адаптироваться в стремительно меняющейся жизни, теряли стойкость, кренились и падали. И здесь их сначала поддерживали, а потом проглатывали малые, крепкие, набравшие силу, жизнеспособные предприятия и новые фирмы. В настоящее время Имелов мечтал о чем-то большем. И это большое снилось ему каждую ночь. Мировой оборот в торговле животными составлял миллиарды долларов и в этих миллиардах находились его деньги, которые ему нужно было взять. Ему уже представлялась громадная вывеска с грандиозной надписью «Суперзоошоп», «Мировой зоошоп» или еще лучше «Межконтинентальный зоошоп». Новый громадный проект манил его. И страстная своеобразная любовь к животным не давала ему спокойно спать и жить. Дела с продажами животных шли достаточно хорошо. Оставалось только все поставить на должный поток. Альберт Геннадиевич, являясь по натуре авантюристом, всегда любил начинать новые проекты. Голова его кипела идеями, как кастрюля с супом. Кусок земли в центре города с каким-нибудь гибнущим предприятием притягивал его к себе, как самый вкусный кусок торта за праздничным столом. Ему мнилось зеленая благоустроенная зона отдыха, парк с людьми и зверями. Ему мнились подземные рестораны, развлекательные комплексы и казино. Когда он начинал думать об этом, крокодиловы слезы набегали на его глаза и слюна предвкушения капала с подбородка. Тогда он доставал платок и тщательно вытирал рот, надеясь в скором времени удовлетворить свои возрастающие аппетиты.

Альберт Геннадиевич любил жизнь и надеялся, что она также любит его. Когда она переставала его любить, он делал все, чтобы снова оказаться в любимчиках. Он обращался с жизнью, как с женщиной. Женщин Альберт Геннадиевич любил всем телом и всем своим существом. Он точно знал, что мужчины – это сильная часть человечества. А женщины – сильная слабость мужчин. Самой сильной слабостью для него были маленькие женщины. От них он начинал млеть и слабеть главным образом морально, пока само возобладание очередной не давало ему необыкновенный прилив сил и эмоций. Фразу Бальзака о том, что маленькие женщины созданы для любви, он усвоил давно и претворял в жизнь. Он чувствовал себя в окруже-

нии женщин и всюду отмечал симпатичных, привлекательных и цветущих молодых особ. Секретаршей у него работала молодая девушка, являющаяся эталоном его стандартов и красоты. Рост метр пятьдесят пять, идеальные пропорции, кукольное лицо, необыкновенно алые губы, свежее белая кожа, голубые глаза и двадцать один год в паспорте. Она казалась еще девушкой, хотя чуть оттянутая книзу спелая грудь рассказывала всякому любопытному, что она давно знает толк в мужчинах. Эльвира, так звали секретаршу, вдохновляла шефа весь рабочий день своим присутствием и не только этим.

Ровно в девять Эльвира сидела на рабочем месте. В девять тридцать, как это происходило каждый день, дверь в офис открылась, и появился Имелов Альберт Геннадиевич собственной персоной с его черными маленькими усиками, карими блестящими и необыкновенно смышленными глазами, выдающими незаурядный и пытливый ум. Безукоризненно одетый в белые костюм с жилеткой от известного в Москве и за рубежом модельера Мордашкина, в светлой клетчатой кепке, скрывающей небольшую лысину ее обладателя, при шелковом цветном шейном шарфике, он вошел в приемную, как заходят в гавань долгожданные корабли. Именно так приходит ко всем людям праздник. Ослепительно блистающий белизной от солнечных лучей, попадающих в офис через широкое окно, пиджак, показывал всем чистоту и незапятнанность его репутации и помыслов. Он поздоровался с Эльвик, прошел по просторной приемной и ступил в кабинет так, как будто внес в него самое дорогое, что у него есть на свете, то есть себя. Из приемной тут же послышался тонкий голосок секретарши:

– Альберт Геннадиевич, вам чай или кофе?

– Да, Эльвик, – сказал ей Имелов бархатным голосом, – сделай мне сегодня кофе. – Когда они оставались одни, он всегда называл ее не Эльвирой, а сокращенно, Эльвик.

Альберт Геннадиевич положил портфель из крокодиловой кожи, который подчеркивал его незаурядную любовь к животным на стол, и сел в кресло. Придвинув к себе бумаги, приготовленные на подпись, он углубился в их изучение. Альберт Геннадиевич любил утром на свежую голову просматривать подготовленные ему на подпись бумаги. Еще он любил при этом поглаживать свои маленькие и аккуратные усики. Таким его и застала Эльвик, которая принесла на миниатюрном подносе чашечку кофе. На блюдечке лежала сверкающая золотом ложечка. На тарелочке рядом лежали сахар, конфеты и печенье.

– Пожалуйста, Альберт Геннадиевич, – сказала Эльвик и поставила чашечку с кофе и сладостями перед ним на стол.

– Спасибо, – поблагодарил ее Имелов, не отрывая взгляда от бумаг.

Эльвик развернулась и, постукивая каблукочками, пошла к выходу. И тут Имелов не сдержался и посмотрел ей вслед, потому что не мог не посмотреть. Он всегда любил наблюдать, как покачиваются бедра Эльвик и как игриво вздрагивают и толкают друг друга ее соблазнительные ягоды, которые все время выясняли какая из них круглее и миловидней. За выяснением их отношений Имелов всегда наблюдал с необычайным интересом. Его прямо потянуло взглядом за округлыми бедрами, выворачивая всего на изнанку. Он уже приподнялся с кресла, но все-таки взял себя в руки и, снова усаживаясь, сказал себе мысленно и неожиданно для себя вслух:

– Нет-нет, работать, работать, работать...

– Вы что-то сказали, Альберт Геннадиевич? – спросила Эльвик, обернувшись у двери.

– Спасибо. Большое спасибо! – сказал рассеянно Имелов, потрогав шишку на голове. – Не сейчас... – сказал он, понимая, что если не сдержится, то весь день пойдет насмарку, и добавил. – Потом...

– Что потом? – не уходила Эльвик, ожидая внимания.

Имелов спохватился, посмотрел на стол и произнес.

– Я говорю, спасибо за кофе.

Ответом Эльвик осталась не довольна. Ее глаза засветились обидой. Последние две недели шеф уделял ей слишком мало внимания

– У меня здесь все готово? – спросил Имелов, показывая пальцем себе за спину.

– Да, кабинет уединения заряжен на полный сервис, – ответила Эльвик.

Без внимания шефа она недовольно пожала плечами и, изогнув томно стан, со знанием и вкусом нарочито искушающе отводя ягодички чуть назад и в его сторону, вышла из кабинета. Имелов отметил это ее движение и заерзал в кресле.

Больше всего он боялся собственной супруги. Она каким-то образом всегда находила приметы его измен. Запах духов, следы помады, чужие волоски на пиджаке. От этого силою искромётного таланта и обаяния он отговаривался легко. Только вот в прошлый раз ему пришлось туго. Он как раз пришел здорово навеселе. Рыжик помогала ему раздеться и увидела, что на нем нет трусов, а на причинном месте надет прилипший презерватив. Разразился жуткий скандал, в результате которого жизнелюбивый Имелов, как ни оправдывался, получил от жены по заслугам, то есть немало ощутимых тумаков, вследствие чего на голове у него появилась шишка, которая до сих пор не прошла, а под глазом едва заметный синяк. Если бы он не оставил где-то трусы, если бы жена не обнаружила презерватив на причинном месте, он бы легко отговорился. Но в этот раз ему ничего не помогло ни виртуозное вранье, ни свидетели, которых он мог предоставить из числа друзей с избытком, ни отговорки о важных переговорах. Его женушка, очень вспыльчивая и своенравная женщина, была отнюдь не душой и частенько прикладывала к нему руки совсем не для ласк. Альберт Геннадиевич терпел и переносил ее воинственные натиски так же, как не мог отказать себе в маленьких и больших слабостях. Он познакомился с ней, когда работал заместителем в комиссионном магазине у ее отца. Отец его жены прокручивал темные дела, и Алик ему в этом помогал. Папа обладал еще более крутым нравом, чем дочка. Алик его очень боялся. Сейчас он также побаивался его дочку. После случая с презервативом жена неделю упрекала его в измене. А он ей твердил, что это не столько доказательство его измены, сколько предмет, доказывающий его чистоплотность. И все это на самом деле подстроили его конкуренты.

После ухода Эльвик из кабинета кофе показалось Имелову пресным и не соответствующим требуемому вкусу. Он повернулся к «секрету» и толкнул стену справа от себя. Небольшая прямоугольная часть стены под его рукой дрогнула и повернулась к нему тыльной стороной, обнаруживая холодильную стойку с полочками, на которой лежали бутерброды с икрой, сыром и колбасой. Имелов взял бутерброд с красной икрой. Закрыв скрытый в стене холодильник и толкнул стену повыше. Она, также повернулась и обнаружила для него бар, откуда он достал французский коньяк. Капнув несколько капель в кофе, он убрал бутылку обратно в бар, закрыл его и подумал об Эльвик благосклонно. Судя по тому, что в кабинете был скрытый холодильная стойка и бар, можно было предположить, что есть еще и другие скрытые места. И это действительно было так. Альберт Геннадиевич с удовольствием съел бутерброд, запивая его кофе с ароматом коньяка. Покончив с завтраком, он повернулся к столу и занялся бумагами.

Подписав все бумаги кроме одной, Альберт Геннадиевич взял оставшуюся без подписи бумагу в руки и принялся задумчиво рассматривать. Он подумал, что нужно позвонить юристу и попросить его внести в договор дополнительный пункт. В этот момент зазвонил телефон. Имелов взял трубку и услышал голос Эльвик, который ему сообщил:

– Альберт Геннадиевич, Отар Генацвальевич Чахохбили едет к вам. Будет через полчаса.

– Мы договорились с ним на час дня.

– Он сказал, что позже не сможет...

– Хорошо, принял к сведению... – улыбнулся Имелов и поправил мизинцем усики.

Чахохбили был очень важный клиент, который легко открывал ногами закрытые для многих двери. Он заказывал у Имелова редких животных. Сначала он купил леопарда, через несколько месяцев льва. Теперь ему, видно, понадобилось что-то особенное. В голове Имелов держал картотеку на каждого важного клиента. Он знал финансовое положение, связи и родственников. Бизнес в Москве Чахохбили начинал с закусок под названием «У Чахох-

били». За короткое время он оброс связями. У него появились выходы на важных людей. Он незаметно стал настоящим воротилой. Имелов знал, что недавно Отар Генацвальевич купил за бесценок и сушие гроши самый большой уральский металлургический комбинат. О нем говорили, что он скупал и продавал предприятия списками. Сейчас Чахохбили проживал с семьей в Москве, Париже, Лондоне и Вашингтоне. Этот человек жил с размахом и везде у него имелись интересы и дела.

– Отар Генацвальевич, – вскоре доложила Эльвик.

Дверь открылась и в кабинет вошел крупный человек с роскошными усами и густыми сросшимися бровями. Таким же заметным на его полноватом лице был большой нос. Нос как будто рос из самых бровей, ближе к середине выразительно горбился и оканчивался красивой крупной сливовидной раздвоенностью. Именно этот нос его обладатель любил соваться в самые разные чужие дела. Короткие и пышные бакенбарды гармонировали с большими усами и выразительным носом. Щеки мяли счастливые аппетитно-сладкие ямочки. Из-под бровей на Имелова смотрели темные с горячим блеском глаза, в которых было что-то сверлящее.

– Здравствуй, дорогой! Здравствуй, драгоценный друг! – начал с порога говорить Чахохбили и своей энергетикой занял сразу весь кабинет. – Как твое здоровье? Как жена?

Гость радостно раскинул руки для объятий и пошел к Имелову. Чахохбили пришел в темном костюме в белой рубашке с галстуком. Хотя ему больше подошли бы рубашка с газырями, широкие штаны и папаха.

– Здоровье, слава богу! И жена в порядке!.. Спасибо! – сказал Имелов, поднявшись с кресла и протягивая для приветствия руку.

– Как дети?! – спросил Чахохбили, пожимая руку и обнимая Имелова за плечи.

– Дети радуют! – мягко улыбнулся Имелов. Улыбка на его лице тут же стала болезненной, потому что гость перестарался и пожал ему руку сильнее, чем следовало.

– Чтоб тебя дети и дальше радовали, дорогой мой. Скажи мне, чем они тебя радуют?

– Они меня радуют своим отсутствием, – ответил Имелов, высвобождая руку. – У меня их нет. Я чист перед следующими поколениями, во всяком случае, по документам.

– Как это «по документам»? Ты, наверно, как та кукушка, которая своих детей в чужие гнезда подбрасывала, да? Какой молодец! А?!.. Послушай, ты мне продал льва. Я его подарил хорошему человеку. Он мне помог с одним важным делом. Послушай, теперь мне нужен... Этот... Как его? Такой животный большой... Бифштекс с рогами... – Чахохбили приложил пальцы с двух сторон к голове и замычал. – Му-у...

– Корова? – спросил Имелов, сразу догадавшись, о каком животном идет речь, по тому, что показывал Чахохбили.

– Да, корова, но бык... – подсказывал Чахохбили, – размахивая перед Имеловым волосатыми руками.

– Бык?

– Да... Волосатый такой... Прерии, индейцы... – Чахохбили сделал звериное лицо, показывая не то индейца, не то само животное, которое он имел в виду. – Из Америки...

– Бизон?! – догадался Имелов.

– Вот, бизон нужен. Понимаешь, очень нужен... – заулыбался довольный Чахохбили.

– Это очень редкое животное, – озадаченно сказал Имелов, думая о том, как ему придется выполнять заказ.

– Ты мне сам говорил, что любое животное достать можешь. Говорил?

– Говорил, – согласился Имелов и показал на стул. – Присаживайтесь...

– Какой присаживайтесь, некогда. Столько дел...

– Это очень дорогое животное, – деликатно сказал Имелов.

– Сколько? – спросил Чахохбили и улыбнулся плотоядной улыбкой предвкушения редкого деликатеса.

– Шестьсот тысяч... – сказал Имелов.

Чахохбили заулыбался и закивал головой.

– Долларов... – добавил Имелов, понимая, что чуть не продешевил.

– Долларов? Так дорого? – спросил Чахохбили изменившись в лице и, присмирив, сел в кресло.

– Да. Это уникальное животное. Зато может украсить любой ландшафт, – сразу нашелся Имелов. – Чистых кровей на земле осталось один два экземпляра. Но есть и помесь с зубром. На сто тысяч дешевле будет... Из Белоруссии можем доставить.

– Давай с зубром. Я из него такой шашлык сделаю!!!.. – энергично навалился грудью на стол Чахохбили. Он страстно собрал в горсть волосатые пальцы и поцеловал их. – Пальчики оближешь!

– Как шашлык? – удивился Имелов и чуть отпрянул от гостя, потому что ему показалось, что гость сам может съесть его, как шашлык.

– Да, шашлык, – подтвердил с азартом Чахохбили, страстно глядя горячими глазами и шевеля черными бровями так, что они показались живыми ежиками.

– Это же редкое животное, – снова сказал Имелов. – Редчайшее, уникальное...

– Да, редкое, – согласился Чахохбили. – Знаешь, как вкусно будет?.. Язык проглотишь!

«Шашлык за пятьсот тысяч долларов? – подумал Имелов. – Вот это размах».

– Это бесценное животное, – сказал Имелов. – Из «Красной книги».

«Можно было легко поднять цену и просить миллион», – подумал он.

– Ты не беспокойся. Я так и скажу за столом гостям: «Это шашлык бесценный, из очень редкого животного из «Красной книги». Такого больше нигде нет. Последний кушаем», – сказал Чахохбили и засмеялся. – А что это «Красная книга» хорошее меню?.. А?!

Альберт Геннадиевич заерзал на кресле. «Да, можно было цену легко поднять в два раза», – с сожалением подумал он.

– Все животные из «Красной книги» охраняются. За них можно ответить перед законом... – говорил Имелов и думал, как ему поднять еще выше цену.

– С законом мы договоримся... – махнул рукой Чахохбили. – Ты только послушай!.. Мы нарядимся индейцами, будем охотиться на бизона, потом запечем его на костре и будем есть... А-а!.. Да, это не все. Через два месяца, в июле... Послушай, в июле будет день моего рождения. Папа придет. Ему девяносто лет. Дядя придет. Ему сто два года. Бабушка придет. Ей восемьдесят семь... Я хочу устроить охоту на мамонта. Большого такого, волосатого с бивнями... Мы его будем загонять в яму, как древние люди. Да?.. И там прямо в яме делать шашлык. Соусом сверху поливать будем. – Чахохбили засмеялся. – Я уже приглашаю важных гостей. Все очень известные и дорогие люди. Избранные члены общества...

Чахохбили так говорил «известные, дорогие, избранные», что сомневаться в его словах не приходилось.

– Мамонта? – переспросил Имелов. – Они ведь... Как вам сказать? Но они ведь все вымерли.

– Как вымерли? Все вымерли? Я уже гостям пообещал. Сказал, будет мамонт. Мне не верили, говорили, нет, не будет мамонта. Я сказал: «Ни у кого нету – у меня будет!» Сделай, дорогой! – протянул обе руки к Имелову Чахохбили. – Любые деньги заплачу. Найди одного для меня... Ни у кого не может быть. Пусть у меня будет!..

Последние слова Чахохбили заставили работать мозг Альберта Геннадиевича по-другому.

– Я хотел сказать, что... – поправился Имелов, – Что они почти все вымерли.

– Ничего, дорогой. Я понимаю – редкое животное. Из «Красной книги»...

– Его даже в «Красной книге» нет...

– Ах, как жалко. Нигде нету... – Чахохбили сделал огорченное лицо и тут же рассмеялся. – Сейчас нету, потом для меня поищешь и найдешь. За деньги все можно сделать...

– Да. Конечно, – утвердительно сказал Имелов, думая, как он будет выкручиваться с мамонтом. – Моя фирма все может. Для таких клиентов, как вы, она может сделать даже невозможное.

– А ты говорил нету, – сказал Чахохбили и, довольно поглаживая пышные усы, засмеялся.

– С мамонтом потом. Давайте пока с бизоном разберемся. Когда вы хотите его приобрести? – по-деловому с мягкой улыбкой спросил Имелов, поглаживая усики.

– Две недели пройдет. И уже будет нужен, – сказал Чахохбили, вставая с кресла.

– Предоплата сто процентов, – предупредил Имелов, тоже поднимаясь.

– Знаю, дорогой, – щедро сказал Чахохбили. – Как тебе удобнее? Чек или наличными?

– Лучше наличными.

– Завтра деньги тебе привезут, – пообещал Чахохбили.

– Будут деньги – будет и бифштекс... – сказал Имелов и тут же спохватился. – У-у, бизон, – поправился он и снова улыбнулся.

– До свидания, дорогой. Сделай это для меня. Век не забуду. Я гостей уже позвал... Дай я тебя обниму! Дай расцелую, генацвали!

Чахохбили загреб Имелова в охапку, обнял и смачно чмокнул в щеку. Имелов с трудом выдержал его медвежьи объятия и проводил Чахохбили к двери.

– До свидания! – сказал Имелов, незаметно стирая влагу от слюней со щеки.

– До скорого! – сказал Чахохбили. – Как говорится, увидимся...

«Пятьсот тысяч долларов – шашлык, – продумал Имелов, снова садясь в кресло. – А мог бы и миллион отдать».

– Альберт Геннадиевич, – произнесла Эльвик, входя в кабинет с листком бумаги в руках и, увидев шефа задумчивым, замолчала. – Альберт Геннадиевич, – снова позвала она.

Имелов поднял на нее глаза, продолжая думать о Чахохбили.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Всем нужен Имелов! – вскочил Альберт Геннадиевич с места и заходил по кабинету. – Всем! Все хотят, чтобы им поднесли редких животных на блюдечке. А я крутись, выдумывай, как им угодить. Бизона им подавай... Мамонта... Платите деньги, господа. Любой каприз за ваши деньги, как говорил мой любимый и давно преставившийся свекор.

– Вы просто гений, – на всякий случай восхищенно сказала Эльвик.

– Конечно! У меня и отчество Геннадиевич. Папа был гением, – сказал Имелов. – Пять лет в тюрьме должен был отсидеть с конфискацией имущества. Но сел другой человек. Вот что значит интуиция и виртуозность ума. Надо просто вовремя уйти от ответственности. Папа всегда говорил: «Не бери мелочь – это воровство. Бери по-крупному. Это интеллектуальная работа».

Зазвонил телефон. Имелов, опережая секретаршу, которая тоже потянулась к телефону, снял трубку и поднес к уху.

– Вас слушают. Да это фирма «Экзотика на дом». Мы все можем достать. Что вас интересует? Ящеры с острова Комодо, слоновые черепахи, тигровые змеи или тигровые акулы? Может быть, муравьиные львы? Мои агенты работают по всему миру. Что вы хотите?.. Это для нас не проблема. Сейчас я вас соединю с секретарем, и вы сделаете заявку. Расплачиваться можно наличными. Назовите только адрес, куда нужно доставить обезьян. – Альберт Геннадиевич поднял глаза на Эльвик. – Прими заказ. Ты что-то хотела сказать?

– Пришел факс от Фрица Джонсона, – сказала Эльвик и протянула принесенную бумагу.

– Так что же ты молчишь? Давай сюда... – Имелов взял в руки факс, встал с места и, расхаживая по кабинету, принялся бегло читать текст. – Отлично!.. Прекрасно! – время от времени вырывалось у него радостное. – Грандиозно!

Тем временем Эльвик взяла трубку, которую Имелов положил на стол, и сказала:

– Говорите адрес... Я записываю. Так... Так... Сегодня после обеда обезьянок доставят по вашему адресу. Расчет за товар на месте.

Эльвик положила трубку и взяла бумажку с записанным заказом.

– Фриц Джонсон приезжает, – сказал довольный Имелов. – Он везет нам товар. Обезьяны сейчас пользуются огромным спросом. Я разослал всем агентам запрос об увеличении поставок живого товара. И первым откликнулся Фриц. Мне нужно поскорее с ним встретиться и все обсудить. Завтра он прилетает.

– Номер в люксе? – спросила Эльвик.

– Да. И ужин в ресторане... – добавил Альберт Геннадиевич, сладко потеревив маленькие холеные усики. – И еще, как только придут Мудрило и Пробивной, сразу ко мне.

– Хорошо, Альберт Геннадиевич, – сказала Эльвик и ушла, призывно двигая бедрами и затайливо покручивая задом.

«Так бы и смотрел целый день, как она ходит, – подумал Имелов. Меня это так вдохновляет...»

Мудрило и Пробивной, по паспорту Николай Половинкин и Сергей Братков, работали на Имелова около семи лет. С их помощью Имелов контролировал «птичий рынок», где издавна шла неорганизованная продажа животных. Имелов ее не только организовал, но и поставил, как нужно, на уровень, то есть прибрал к рукам. Одним продавцам он сдавал в аренду торговые места, другим давал для продажи живой товар. С утра Мудрило и Пробивной ехали на рынок, собирали с продавцов деньги за торговые места и раздавали товар. Затем они к обеду приезжали с деньгами к нему. Вечером они еще раз ехали на «птичку» и снова собирали деньги. Архаровцы в лице помощников исправно выполняли для него всю черновую работу. Он купил им приличные костюмы, хотя те больше любили кожаные куртки, купил «джип» и платил хорошую зарплату.

Имелов потянулся рукой к телефону, взял трубку и с улыбкой на лице набрал номер.

– Олесь Михайлович, вы? Здравствуйте! Не узнали? И я вас не узнал... Богатыми будем. Я говорю, богатым будете. Насколько? На пятьдесят тысяч долларов... Нужен зубр... Понимаю, что трудно. Но ничего не выполнимого нет. Я же у вас бизона не прошу... Хотя нужен именно бизон. Да, редкое животное. Да, охраняются законом. Да, все на учете... Но я же вам плачу... Что? Дороже будет стоить?.. Сто тысяч?.. Договоримся... Мне через две недели нужно... Не управитесь? Нужно управиться... Хорошо... Буду ждать вашего звонка.

Имелов положил трубку, повернулся к секретарям и толкнул стенку так, что бар повернулся к нему и раскрылся. «Это нужно отметить», – подумал Альберт Геннадиевич, и потянулся к коньяку. – Чуть-чуть выпью и сделаю еще несколько деловых звонков».

Имелов выпил коньяк, разгладил усики, съел шоколадку и закатил глаза вверх, замирая в блаженстве.

Ближе к обеду Имелов позвонил секретарше и узнал о помощниках. Эльвик сообщила, что Мудрило и Пробивной не приходили. Сегодня они задерживались. Через полчаса в кабинет к Имелову вошли двое. Один высокий, под два метра роста, с длинными руками, которые заканчивались внушительными кулаками и с чубом, зачесанным чуть набок. Другой пониже, полноватый, с маленькими глазками, круглыми щеками хомяка и с короткой стрижкой.

– Пришли?! – спросил Имелов, увидев подручных.

Пробивной, молча, поставил портфель с деньгами на стол. Мудрило положил рядом бумагу со списком проданного товара и с цифрами денежных расчетов.

– Здесь все точно? – спросил Имелов.

– Точно, – сказал Мудрило, открыл портфель и достал из него пачки купюр.

Деньги всегда считал и сдавал невысокий и полноватый Мудрило. При всей глупости, которая гуляла на его простоватом лице, он хорошо считал деньги и складывал четырехзначные цифры в уме.

Имелов еще раз заглянул в бумажку с цифрами и порадовался.

– Торговля идет успешно, – констатировал он. – Сегодня на штуку баксов больше.

– Да, – сказал с глупой улыбкой Мудрило и кивнул головой.

– У нас проблема, – сказал угрюмо Пробивной.

– Какая? – спросил Имелов.

– Мячик хочет уйти, – сообщил Пробивной.

– Куда интересно? – спросил Имелов, убирая бумаги в стол.

– Его очкастая, которая на «птичке» вертится, пообещала устроить работать в зоопарк, – пояснил Пробивной.

– Не хочет он больше обезьянами торговать, – вставил Мудрило. – Гы-гы-гы! Он хочет за ними ухаживать в зоопарке.

– Может ему вложить ума? – сжал руку в кулак и потряс им Пробивной.

– Только не нужно горячиться, – успокоил его Имелов. – Вы же знаете, что официально наша фирма «Экзотика на дом» по всем бумагам проходит, как организация инвалидов. Я всем сотрудникам купил справки об инвалидности. Ты, Серж, у нас инвалид чего?

– Я?.. Инвалид детства. Опорно-двигательная система у меня недоразвита... – быстро ответил Пробивной.

– Да? На вид этого совсем не скажешь. Любого медведя завалишь, и он у тебя пощады попросит...

Пробивной ухмыльнулся, поднимая углом губы правую щеку.

– А ты, Коля, у нас инвалид чего?

– Я сердечник... – с готовностью ответил румяный и цветущий Мудрило. – Пороком сердца страдаю.

– Вот! И я, представьте, инвалид детства. И Миша, мой шофер, тоже инвалид. И Эльвик я сейчас оформляю инвалидность... А настоящий инвалид из нас кто?.. Коля Мячиков, его сестра и еще человек пять-шесть невыразительных личностей... На Мячикова посмотришь и без справки поймешь, что он инвалид. И вы его хотите прибить? Нашего единственного настоящего инвалида? Это же наша наглядная агитация! Наш флаг!

– Нет, мы не хотим это самое... – сказал Мудрило и посмотрел на Пробивного, который все еще сжимал правую руку в кулак.

– Нам государство за него дает налоговые льготы. Коля Мячиков для нас настоящая находка и прикрытие от прокуратуры. Его беречь нужно, на руках носить. Понятно?

– Понятно, – кивнул головой Пробивной и разжал кулак.

– Так куда, вы говорите, он решил уйти? – спросил Имелов

– В зоопарк... – ответил Мудрило.

– В зоопарк?! Как в зоопарк? В зоопарк! Очень хорошо! Очень!.. В какой зоопарк? – заинтересованно спросил Имелов.

– Ну, в зоопарк... – сказал Мудрило.

– В зоопарк... – уточнил Пробивной. – Он у нас один...

– Зоопарк, зоопарк, зоопарк... – повторил Имелов и начал прохаживаться по кабинету. – Надо же! Как интересно! И почему я раньше об этом не подумал. Это же гениальная идея! Да, это гениально! – с пафосом сказал Имелов. – Ничего не скажешь. Кто гениален – тот гениален! – торжественно объявил он, и глаза его заблестели.

Мудрило и Пробивной переглянулись. Имелов с удовольствием мизинцем разглаживал усики и с улыбкой поглядывал на своих помощников.

– Это надо уметь под благовидными предложениями делать неблагоприятные поступки, – сказал он. – Правильно? Так я говорю?

– Что? – спросил Мудрило.

– Это я не тебе, – ответил ему Имелов. – Это я с одним умным человеком разговариваю.

Пробивной сразу расправил плечи, важно выставил вперед грудь и снисходительно сверху вниз посмотрел на Мудрилу.

– С кем? – осторожно спросил Мудрило.

– Здесь один умный человек, – сказал Имелов и посмотрел на себя в зеркало. – Это я! Пробивной тут же убрал выставленную чрезмерно вперед грудь.

– Зоопарк – это хорошо! Это очень хорошо. Как мне это раньше в голову не пришло? – сказал Имелов и обратился к помощникам. – Это то, что нам нужно. Соберите мне все сведения о зоопарке. Кто директор, кто там работает, какая территория...

Мудрило достал блокнот и стал записывать.

– Я записываю, – сказал Мудрило.

– Узнайте, какие там птички-синички... – продолжал Имелов.

– Птички-синички, – повторял Мудрило, записывая сказанное в блокнот.

– «Птички-синички» – это я так, вообще, фигурально говорю, – уточнил Имелов. – Какие там животные, сколько их. Какая территория, финансовое положение. Узнайте все подробнейшим образом, – сказал он и снова, довольный собой, заулыбался.

– Какие животные, сколько их, – повторял, записывая, Мудрило. – Какая территория... Финансовое положение... Узнать все подробнейшим образом.

– Чем быстрее, тем лучше, – сказал Имелов.

Пробивной сверху вниз смотрел, как Мудрило записывает в блокнот задание.

– Чем быстрее, тем лучше... – продолжал записывать Мудрило.

– Это записывать необязательно. Задание понятно? – спросил Имелов.

– Понятно, – ответил Пробивной.

– Нам это просто, как яичко облупить, – сказал Мудрило и, убрав блокнот в карман, тут же полез пальцем в нос.

– Да оставь ты нос в покое, – одернул его Имелов. – Я этого не люблю.

– Щекотно, – в оправдание сказал Мудрило и быстро вынул палец из носа. – Сделаем, да, Серж?

– Ну, – угрюмо отозвался Пробивной.

– Завтра оденьтесь получше. Костюмы, белые рубашки, галстуки. И идите на разведку, походите там, поговорите с сотрудниками. В зоопарке народ образованный работает. С придурками в кожаных куртках никто разговаривать не захочет. Это вам не птичий рынок, – коротко напутствовал их Имелов. – Все поняли?

Подручные с готовностью энергично закивали головами.

– Тогда вперед!

И два верных хозяину архаровца дружно застучали копытами к выходу из кабинета.

Глава третья

Говорящие ослы

Вечер отливало золотом уходящего дня во все окна, расплескивался на асфальт и стены домов. Солнце утомленно уходило за горизонт, основательно раздарив тепло городу и его обитателям.

Веня и Геша сидели на скамейке в сквере под сросшимися деревьями около высотки и, разгоряченные после работы, остывали на легком ветерке. Рубахи, влажные от пота, подсыхали, раскрасневшиеся щеки принимали нормальный цвет, пот, испаряясь, передавал лицу и телу свежесть. Вечер заканчивался хорошо. Они заработали денег и, давая мышцам отдых, смотрели на световое представление солнца. Не хотелось уходить. Скоро солнце начнет прятаться за домами и все начнет меняться. Еще полчаса назад они закончили разгружать фуру с болгарской зубной пастой в картонных коробках. Фура стояла недалеко в переулке около аптеки. Сначала работа шла быстро. Один подавал коробки с машины вниз, семеро заносили их в аптеку, спускали в подвальное помещение и укладывали в штабеля. Когда одному управляться в кузове длинномера стало сложнее, пришлось подняться второму, а потом и третьему. Поперву с коробками бегали и носили в руках по две штуки. Потом темп снизился, вспотели и носили уже по одной коробке. Сашка, губастый парень в очках с вьющимся чубом, который как посредник организовывал работу, так и не появлялся. Закончив разгрузку, заволновались, кто будет платить и заплатят ли вообще. И тут появились бизнесмены, так называемые новые русские. Один полный в малиновом пиджаке, другой в синем костюме с белой рубашкой. Они по-хозяйски зашли в аптеку. Их повели смотреть коробки. Аптекарь, который принимал груз, давал им отчет. Через десять минут они вышли, сели в машины и уехали. Аптекарь вышел за ними следом, искал Сашку, не нашел и заплатил за работу самому старшему по возрасту. Деньги поделили поровну. И в это время приехал на велосипеде в шортиках губастый Сашка, чтобы снять сливки с нашего труда. Кто-то предложил скинуться для него и отдать его долю. Большинство отказалось. Десять процентов от заработанного отдавать не хотелось. Самый старший мужчина лет сорока посмотрел на предлагавшего скинуться и спросил: «А где он раньше был?» На это Сашка обиделся и сказал, что с нами он больше не работает.

– Это они! – кивнул вниз на дорожку Веня.

– Кто? – спросил Геша.

– Те, которым мы груз разгружали.

– Не, это не они. Те на машинах уехали, а эти с женщинами.

– Я их узнал, – сказал Веня. – Малиновый пиджак и синий... Представь, завезли товар и у них все в порядке. Сейчас все кругом дорожает. Товар лежит, цены на него растут. Пойдем...

– Зачем они тебе?

– Интересно. – Веня поднялся и пошел по ступенькам вниз.

– А в магазин? – напомнил шедший следом Геша. – Иван Иванович ждет.

– Успеет. Может, бизнесом заняться? Ген!.. Купили фуру с зубной пастой. Нашли место под склад, разгрузили. Схема вроде простая.

– Начальный капитал нужен, – буркнул Геша.

Веня кивнул.

Новые русские с женами под руку от метро перешли дорогу и направились к киноцентру. Поднялись по каменным ступенькам и вошли в холл ночного клуба «Арлекино».

– Пошли, – толкнул локтем друга Веня.

– Да нас туда не пустят.

– Сделай морду, как будто у тебя все карманы полны денег и улыбайся снисходительно. Кстати, хорошее место, чтобы завести полезные знакомства.

Они вошли в стеклянную дверь, за которой оказались кассы, около которых стояли состоятельные люди, желающие подчеркнуть свою исключительность и приобщиться к потаенным сторонам ночного города.

– Скоро кассы откроются? – по-свойски спросил Веня у солидного человека в малиновом пиджаке.

– Через десять минут, – по-свойски ответил тот.

– Так, что у нас тут сегодня? – спросил Веня и принялся рассматривать программку на этот вечер.

За стеклом внутри клуба по дорожкам на роликовых коньках катались молоденькие стройные девушки в ярких гимнастических трико разных цветов и коротких юбочках в тон до бедер.

– Шоу... Стриптиз... – рассказывал мужчина в малиновом пиджаке молодому коллеге. – Можно с девушками в кабинках конфиденциально встретиться. Это у них называется «консультация»...

– Смотри арт-директор Горный, – показал Веня на подпись под программкой. – Тот самый... Сегодня звезд первой величины нет, сюда можно будет прийти позже... – сказал Веня тоном знатока и подтолкнул Гешу к выходу.

– Какой Горный? – спросил Геша на улице.

– Был такой артист Юрий Горный. Выступал с номерами по запоминанию текстов, целых книг, исторических дат, делал в уме сложные математические вычисления, демонстрировал гипноз, сверх возможности человека и показывал фокусы. Это его сын. Я где-то об этом читал. Сейчас этот ночной клуб самое модное заведение.

– Ага, – кивнул Геша. – Недавно перед входом в этот ночной клуб бизнесмена из автомата расстреляли.

– А что ты хотел? Злачное место, – усмехнулся Веня. – Я вот подумал, может нам тоже какой-нибудь номер сделать и выступить в ночных клубах. Мы бы с тобой зарабатывали больше, чем грузчики. Здесь за углом на месте бывшего кинотеатра «Баррикады» в основании высотки есть казино «Жар-птица». Там тоже артисты выступают.

– И что мы будем делать?

– Два комика весь вечер на арене. Или номер со слонами...

– Может, с ослом что-то придумаем?

– Пошли в магазин за продуктами.

– Магазины закрываются.

– К тете Маше пойдем...

Маленькая улочка с тоскливо тусклым и безрадостно однообразным светом фонарей выглядела нереальной, чужой, как и весь город в ночное время. Звуки торопливых шагов отражались от стен невысоких домов и разносились по округе слишком гулко. Тени в городе ночью всегда жили своей отдельной скрытой и завуалированной жизнью. Сейчас две смешные тени двигались вдоль стен домов и то отставали от своих владельцев, то догоняли и обгоняли. Одна тень выглядела заметно выше, другая казалась коренастее. Едва их обладатели перешли на другую сторону улочки, тени заскользили по металлическому ограждению и вовсе спрятались в тени деревьев.

Веня и Геша подошли к калитке, которая вела внутрь зоопарка.

– Открывай... – сказал Веня, держа в двух руках сумки с продуктами.

– Сейчас, – ответил Геша и полез в брюки.

Он достал из кармана ключ и принялся открывать решетчатую металлическую калитку.

- Ну? – спросил Веня.
- Ничего не видно.
- Пальцем нащупай скважину и вставляй ключ...
- Нашупал. Вставить не могу... – сопел Геша.
- Ключ переверни.
- Уже перевернул... Все, открыл...

Они вошли в зоопарк. Геша снова закрыл калитку, и друзья направились по едва различимой асфальтовой дорожке на огонек, который как будто маячил впереди за деревьями.

- Свет горит, – оживился Геша.
- Нас ждут... – прокомментировал горевший свет Веня.

Через пять минут они подошли к сторожке. В окне горел уютный желтый свет. Поднялись по ступенькам. Веня открыл входную дверь и переступил порог.

- Иван Иванович, мы пришли, – сказал он.

Иван Иванович, сторож зоопарка, поднял голову от старой газеты, расстеленной на столе, и посмотрел на вошедших.

- Вижу, – сказал он доброжелательно.
- Веня подошел к столу, положил сумку.

- Телефон работает? – спросил он.
- Работал, – ответил Иван Иванович.

– Сейчас покушаем, – сказал Геша, принимаясь доставать и выкладывать на стол из сумки хлеб, колбасу, сыр, консервы и бутылку водки.

- Веня подошел к телефону, висевшему на стене, набрал номер и поднес трубку к уху.

– Ма, это я... Мы с Гешей в сторожке у Ивана Ивановича... Покушаем и спать ляжем. Завтра домой – не пойдем разгружать... После завтра в ночь собираемся. Не волнуйся, пожалуйста. Все хорошо! Ложись спать... – Веня положил трубку на телефон и обернулся.

– Один недавно на разгрузке попытался украсть радиотелефон из коробки, – улыбнулся Геша, нарезаая колбасу. – Его побили, телефон отняли и за работу не заплатили. Но, если ты воруюшь вагонами, самолетами, то это уже называется коммерцией.

– Да, если ты крадешь с мясокомбината мясо, то это воровство. А если хочешь обанкротить мясокомбинат, то это называется бизнес.

Веня и Геша переглянулись и, вспоминая работу на мясокомбинате, снова дружно рассмеялись.

- Водку открываем? – спросил осторожно Иван Иванович.

– Конечно, – уверенно сказал Геша. – Мой тренер, когда я борьбой занимался, говорил, что после физической нагрузки в организме выделяется молочная кислота. От нее болят мышцы. И лучше всего она выводится из организма спиртным.

– Геша, когда в университете борьбой занимался, – пояснил Веня, – часто побеждал соперников тем, что смешил до упада. Они смеялись, падали и пока они гоготали, он прижимал их лопатки к матам.

– Да, – сказал Геша, оглядывая приготовленный для вкушений стол. – Какие раньше были времена. Раньше батя даст рубль, и я на него столько всего мог купить. А сейчас заработали тысячи и что на них можно будет купить завтра неизвестно.

– С этой перестройкой и демократией мы слишком стремительно нищаем, – сказал Веня с улыбкой. – Садимся.

- Сели. Иван Иванович налил в стопки водку.

- За нас! За дружбу! – коротко сказал Веня.

- Да, – согласился Геша.

Иван Иванович молча, кивнул. Подняли стопки, чокнулись, выпили.

– У бабушек из моего дома появилось новое увлечение. Они ходят в магазин, смотреть, как растут цены, – сказал Веня и принялся есть бутерброд с колбасой. – Оказывается это увлекательное зрелище, полное драматизма и приключений. Меня ма в воскресенье послала на рынок за колбасой. Я встал в очередь. Стою. Идет торговля. Вдруг торговля прекращается, ларек закрывается и вывешиваются новые цены. Дальше стою. Смотрю, они окошко снова закрывают и на витрине через некоторое время вывешивают снова новые цены. Вот тут я заволновался. Думаю, если так дальше дело пойдет, мне денег на колбасу не хватит. Еще немного постоял, они ларек закрыли и уже не открывали, ожидая, когда хозяин им скажет новую цену. Ощущения необыкновенные. Экстрим... Жизнь, как будто от тебя улетает, и земля из-под ног уходит. В этот момент я понял, что колбаса дороже денег, потому что ее можно съесть, а деньги, которые стремительно обесцениваются у меня в кармане, съесть нельзя...

– Они просто, иллюзионисты... – засмеялся, кряхтя Геша, засовывая в рот маринованный огурчик. – Фокусники...

– Вот именно!.. – смеялся Веня. – Были деньги. Два раза моргнул и нет денег.

– Не нужно моргать, – смеялся Геша. – Скорость жизни так высока, что моргать некогда. Потому что нужно успеть потратить деньги до того, как они станут макулатурой.

– В долг сейчас жить выгодно. Взял в долг одни деньги отдаешь другие, – смеялся Веня.

– Да, – сказал Геша. – Только отдавать некоторые просят в долларах или с процентами.

– Два фокуса им особенно удались... – хмуро сказал Иван Иванович.

– Какие это? – поинтересовался Геша.

– Раз и – Советский Союз стал Россией. Два – и вся страна нищая...

– Не вся...

– Да, пока остальные моргали, кто-то разбогател... – уточнил Веня. – Нет, если не смеяться, то можно разрыдаться. Профессию выбрали по душе и гуманную. И что делать? Ты бы сейчас пошел на зоолога учиться?

– Не-а, – протянул Геша.

– Зарплату не платят и зверей кормить нечем. А ты здесь сидишь водку пьешь и смеешься.

– Ребята... – сказал вдруг Иван Иванович.

Но Веня с Гешей его не слышали.

– А чего делать? – смеялся Геша, странной кривой улыбкой человека, которому становится не до смеха.

– В коммерсанты идти, на рынке торговать, людей обсчитывать...

– У меня не получится... – смеялся Геша. – Я все раздам покупателям, рассмеюсь над своей глупостью и домой пойду.

– Ребята! – позвал еще громче Иван Иванович.

Друзья примолкли и обратили на него внимание.

– Я не хотел вам говорить. Но теперь решил сказать... Я стал миллионером...

– Кто? – спросил с улыбкой Веня. – Вы?

– Миллионер работает сторожем в зоопарке? Что-то я не верю, – иронично проговорил Геша и закричал обычным смешком, часто повторяя. – Не верю, не верю, не верю... Это нонсенс!

– Где ваш костюм от кутюр и «Мерседес» с водителем? Где ваш особняк и вилла на море? Где это все?

Действительно на миллионера Иван Иванович в старом потертom костюме и стоптанных башмаках не походил. Но та серьезность, с которой тот произнес сказанное, заставляла прекратить смех и уделить сказанному должное внимание.

– Получили наследство от неизвестных богатых родственников? – поинтересовался с некоторой завистью Геша.

– Нет, – покачал головой Иван Иванович.

– Клад нашли? – напрямую спросил Веня.

Иван Иванович снова нейтрально покачал головой, давая понять, что Веня почти угадал.

– И когда это удивительное событие произошло? – спросил Веня.

– На днях, – сказал Иван Иванович.

Веня и Геша окончательно перестали смеяться и в легкой растерянности переглянулись.

– Надеюсь, вы его хорошенько припрятали? – поинтересовался Веня.

– Оно здесь, – ответил Иван Иванович, многозначительно поднял палец вверх, наклонился и полез рукой под лежанку, на которой сидел.

Он пощупал под ней что-то рукой, достал стеклянный сосуд с коричневой жидкостью и поставил на стол. Это была пол-литровая колба с высоким широким горлышком, которая от середины конусом расширялась книзу до дна. Такие колбы друзьям встречались на лабораторных по химии в университете. Теперь они смотрели на колбу и на то, что в ней плескалось, и ждали объяснений.

– Со мной на лестничной площадке живет генетик. Точнее, жил... Профессор Летаев. Мы с ним частенько у меня на кухне сидели, выпивали по-соседски, говорили о жизни. Я еще тогда инженером на авиационном заводе работал. Перед Новым Годом, когда уже от безденежья в сторожа подался, он ко мне пришел и говорит, я сделал мировое открытие на основе принципа «трансгенности». Или как-то там, я не точно не помню. Я, говорит, изобрел вещество, которое лучше, чем эликсир молодости. Оно, говорит он мне, позволяет начать новую жизнь. Поэтому я его так и назвал «эликсир новой жизни». Жена, говорит, надоела, на работе неприятности и иностранные заказчики одолевают, прямо за горло хватают. И я, говорит, решил. У меня есть две колбы. Одну я для себя приготовил, другую тебе дам. Спрячь подальше, никому ее не показывай и используй по своему усмотрению. Эта колба стоит, говорит, миллион долларов. Я тогда взял эту колбу, отнес на работу, спрятал под лежанку и забыл. Месяц назад узнаю, что профессор исчез. Ищут его милиция, бандиты и ученые мужи. Вчера ко мне пришла его жена и рассказала, как у нее были двое иностранцев, расспрашивали о Летаеве и интересовались не оставлял ли профессор какие-нибудь записи или емкость с коричневой жидкостью. Они ей дали визитки и сказали, что за любую информацию о профессоре готовы заплатить большие деньги. Если же найдется коричневая жидкость, то вознаграждение может составить ни много, ни мало, миллион долларов.

Веня и Геша смотрели на колбу с коричневой жидкостью, заткнутую специально белой резиновой пробкой.

– А куда делся профессор? – спросил Веня.

– Не знаю... Наверное, начал новую жизнь, – со светлой грустью сказал Иван Иванович и посмотрел на колбу. – Теперь я думаю, что мне с этим всем делать. Одному боязно. Вы не хотите начать новую жизнь? – спросил он.

– Заманчиво, – сказал Геша.

– Интересно попробовать, – сказал Веня. – Немного можно выпить и посмотреть, что будет. Чем она пахнет?

– Дайте понюхать, – попросил Геша. – Хочется узнать, чем пахнет новая жизнь.

Иван Иванович взялся за колбу, выдернул белую упругую пробку из горлышка и протянул Геше понюхать.

– Ничем... – сказал Геша и снова понюхал. – Или чем-то непонятным...

Иван Иванович протянул бутылку Геше. Геша понюхал.

– Я думал, спиртом будет пахнуть, – сказал он. – Ведь все лекарства на спирту.

– Вот, если бы узнать, куда делся профессор. Хорошо ему сейчас там или нет? Я бы сам выпил, и матери немного дал, – задумчиво произнес Веня.

– Ну что, ребята, выпьем? – спросил Иван Иванович.

Наступил момент истины. Не хватало малости, чтобы решиться.

– Выпьем... – размышлял Веня. – И что? Сразу начнется новая жизнь?

– Что будет? Будут у нас деньги или нет? Кем мы тогда станем? – спросил Геша осторожно. – Может быть, микробами?

– Можно продать колбу за миллион и тогда у нас появятся деньги и точно начнется новая жизнь, – улыбнулся Веня.

– Это слишком тривиально, – сказал Геша. – Неизвестность она манит и обещает крупный выигрыш.

– Ну, что, решайтесь, – сказал Иван Иванович, держа колбу в руках и приготовившись разливать чудотворную жидкость.

– Давайте сначала водочки выпьем, – нашел наилучший выход из положения Геша. – Эту жидкость из колбы мы всегда успеем выпить. У нас же водка с закуской на столе дышит. Слюнки текут... Сделаем себе окончательно приятное в этой жизни, а потом начнем другую.

– Это мудро, – согласился с ним Веня.

Геша быстро взял бутылку с водкой и налил в стопки. Иван Иванович поставил колбу на стол и взял в руку свою стопку.

– За возможность начать новую жизнь! – сказал Иван Иванович.

Чокнулись, выпили.

– Послушай, что ты за сыр белый купил? – спросил Веня, закусывая.

– Овечий, – пояснил, Геша пережевывая бутерброд с сыром.

– То-то я ем и у меня ощущение, будто овца во рту что-то забыла, – засмеялся Веня.

В это время за дверью раздался громкий стук. Сидевшие за столом вздрогнули. Кто-то ломился в сторожку. Прислушались. Сначала гость соскальзывал со ступенек. Затем в дверь ударили раз, другой. Она прогнулась и чуть отошла. В нее тут же просунулась мохнатая вытянутая морда с длинными ушами.

– Хаха?! – удивился Веня.

– Он, – сказал Геша.

Дверь открылась шире и в сторожку, стуча копытами, вошел осел.

– Как он узнает, что мы здесь? – удивился Веня.

– По запаху пищи, – пояснил Геша.

– Раньше все время ждал у сторожки, когда мы ему хлеб вынесем. Теперь нагло ломится в дверь. Негодяй! – поругал осла Веня.

Осел стоял при входе и всем своим видом как бы говорил: «Не ждали? А я вот он... Чего у вас тут есть пожрать?»

– Давайте выпьем за... – Веня покосился на колбу с коричневой жидкостью, которая притягивала к себе внимание. – Это очень важный момент... Я представляю, как мы, наконец, перестанем разгружать вагоны и заживем в полном достатке. Итак, выпьем за новую жизнь, которая рядом с нами!

– Да, выпьем за новую жизнь, – сказал Геша, разлил по стопкам остатки водки и посмотрел на колбу. – Хуже не будет. На работе провал, в личной жизни без перспектив, жилищные условия никакие.

– За новую жизнь. Чтоб она наступила, – уточнил Иван Иванович с надеждой, чувствуя, что он готов попробовать коричневой жидкости. – Жена и дочка с этими деньгами достали. Зять сначала работу бросил, потом жену. Внучку жалко.

Чокнулись, выпили, потянулись за бутербродами, не обращая внимание на осла, который подошел к столу и сунул морду прямо к продуктам. Потянулся к хлебу, задел мордой колбу. Та упала на пустую тарелку с маленьким кусочком оставшейся колбасы и из нее через широкое горлышко стала быстро вытекать коричневая жидкость. Веня, Иван Иванович и Геша замерли и не шевелились. Осел у них на глазах жадно лакал коричневую жидкость с тарелки и с этим

ничего сделать было нельзя. Вылакав весь вылитый в тарелку эликсир новой жизни, животное съело остаток мокрой колбасы, сыра из соседней тарелки, потянулось к хлебу и стало его жевать. Некоторое время стояла гробовая тишина. Веня первым пришел в себя, взял колбу, приподнял, поболтал остатками и виновато посмотрел на Ивана Ивановича.

– Еще осталось... Примерно на четверть миллиона долларов. Хорошо, что форма колбы такая, что вся жидкость не вылилась.

Веня закрыл колбу белой пробкой и поставил на стол перед Иваном Ивановичем. Тот молчал, как будто его обокрали.

– Вот это мило! – сказал Гена. – Мы тут сидели, смотрели на эту колбу и не решались выпить. Рассуждали, как наша жизнь изменится. А этот пришел и все выхлестал.

Иван Иванович приподнял колбу, с сожалением померил взглядом оставшееся в ней и возразил:

– Не все.

– Теперь это животное стало самым дорогим в мире, – констатировал Веня.

– Я сам виноват, – сказал Иван Иванович, осознавая происшедшее. – Надо было колбу снова пробкой закрыть. А я пробку на столе оставил лежать.

– Что же теперь, прощай новая жизнь? – спросил недовольно Геша.

– Немного еще осталось... – поболтал колбой у себя перед носом Иван Иванович. – Нам по несколько глотков хватит. Может быть, выпьем?

– Подождите, что же получается?.. Он выпил эликсир новой жизни вместо нас? – кивнул Веня на осла. – И теперь у него должна начаться новая жизнь?

– Да, – сказал Геша. – Теперь неизвестно, что с ним будет.

– Исчезнет, как тот профессор-генетик, – сказал Веня. – Впрочем, нам остается подождать и посмотреть на то, что с ним будет происходить.

– То, что осталось, выпить мы всегда успеем, – сказал Геша. – Иван Иванович, вы уберите эликсир подальше.

– Хорошо, – Иван Иванович взял колбу с остатками коричневой жидкости, закрыл белой пробкой и принялся пристраивать колбу под лежанкой.

– Вы ее там осторожнее ставьте, – сказал Геша.

– Я и так осторожно... – сказал Иван Иванович. – У меня здесь закуток для нее есть...

Веня и Геша смотрели, как сторож убирает колбу под лежанку.

– Иди отсюда, – махнул на осла рукой Геша.

– Скушал миллион долларов, теперь можешь отдыхать всю оставшуюся жизнь, – погнал животное из сторожки Веня. – Иди-иди...

Животное неохотно и словно обиженно развернулось и застучало копытами вон из сторожки. Веня вышел за ним следом. Осел стоял тут же у лестницы, повернув голову одним глазом к сторожке.

– И не нужно здесь стоять. Больше ничего не получишь, – сказал ему Веня и, вернувшись в сторожку, закрыл за собой дверь.

– Чего он там? – спросил Геша.

– Стоит...

– Почему вы его Хаха назвали? – спросил Иван Иванович.

– У него морда, как будто он смеется, – сказал Геша.

– Белые полоски на концах губ делают его рот растянутым, как будто он улыбается.

– Ладно, мне на обход пора, – сказал Иван Иванович. – Вы спать ложитесь, а я обойду территорию.

Иван Иванович с палкой, выточенной так, что она напоминала ружье, вышел из сторожки. Веня и Геша уставшие легли на его лежанку и тут же заснули.

Всю эту неделю и следующую друзья через день, через два работали по ночам на разгрузке вагонов.

В пятницу они пришли после разгрузки в сторожку Ивана Ивановича совсем уставшие. Разгружали видеоаппаратуру на Белорусском вокзале. До дома Вене было идти немного дольше чем до зоопарка, а Геше до Войковской еще дальше идти. Решили вернуться на работу.

Иван Иванович сидел за столом и смотрел старенький телевизор «Горизонт», который накануне Вене и Геше отдали друзья по походам. С телевизором в сторожке стало веселее. Работал ночной канал.

– Добрый вечер, – сказал Геша, вваливаясь в сторожку.

– Скорее, доброй ночи, – ухмыльнулся Веня.

– Здравствуйте, – обернувшись, поприветствовал пришедших Иван Иванович.

– С ног валимся... – сказал Геша и поставил на стол целлофановую сумку с продуктами.

– Устали, как черти. Хочется спать и есть одновременно... – сказал Веня.

– Я бы сейчас заснул, во сне выпил бы водки и поел, – сказал Геша.

Оба плюхнулись на стулья и вытянули ноги.

– Я вам чайник согрел, – сказал Иван Иванович, поднимаясь со стула.

Веня тяжело выпустил из себя воздух:

– Фу-у... Я эти коробки с видеоманитофонами в конце уже ненавидел.

– Сидите, я сейчас все приготовлю... – сказал Иван Иванович.

Иван Иванович принялся доставать из сумки продукты, чтобы приготовить бутерброды.

– Сыр и колбаса порезанные. Хлеб нужно порезать... – сказал Веня.

– Хорошо, – отозвался Иван Иванович, вынимая из пакета бутылку водки, нарезки и батон хлеба.

– На следующей неделе будем отдыхать...

– Да, – коротко согласился Геша.

Оба приходили в себя и по мере приготовления стола оживлялись. На столе в тонких пенопластовых прямоугольных формах лежали порезанный сыр, колбаса и ветчина.

– Нарезка дороже. Зато резать не нужно, – устало усмехнувшись, сказал Веня и посмотрел на дверь. – У нас все готово, а Хаха почему-то не приходит.

– Задерживается, – сказал Геша и засмеялся кряхтящим смешком.

– У него стал какой-то осмысленный взгляд. Заметил? – спросил Веня. – Смотрит на меня, как будто что-то сказать хочет. Даже страшно становится.

– У животных это бывает... – сказал Геша. – У меня кошка такая. Сядет и смотрит прямо в глаза.

– Вчера мне показалось, что он нас слушает. Стоит и как будто прислушивается, о чем мы говорим и, думает, осмысливает...

– А как он телевизор смотрит?.. У него даже морда менялась, особенно, когда новости смотрит... – сказал Иван Иванович.

– Я тоже что-то такое заметил, – сказал Геша и окинул взглядом стол. – Огурчиков соленых не хватает.

– Да! И водочку хорошо бы охладить в холодильничке, – сказал Веня, – Чтобы достать бутылочку из холодильничка, поставить на стол и подождать, когда она отпотеет. Чтобы она стояла на столе и плакала, и ждала нас со слезой.

В этот момент Веня почувствовал, как выпьет, как водка зажжет желудок, на глаза набегит слеза предвкушения, появится дикий аппетит, и кровь быстрее побежит по венам, расслабляя тело, и ум сразу прояснится для важного и главного и к самому в легком опьянении вернуться чувства для душевного и милого разговора с друзьями.

– Холодильника нет, – напомнил Иван Иванович.

– Мы с друзьями поговорим на эту тему, – сказал Веня. – Может быть, у кого-нибудь старый найдется.

– Грузчикам пора бы выпить, – сказал Геша с кряхтящим смешком и нетерпеливо придвинулся к столу.

Веня тоже придвинулся к столу.

– Все готово! Вот стопочки, – сказал Иван Иванович, поставив на стол три стопки, и открыл бутылку. – Наливаю...

– У меня начинается бешеное слюноотделение, – признался Веня.

– За что пьем? – спросил Иван Иванович, когда подняли налитые стопки.

– У нас первый тост всегда один... За нас! За дружбу! – сказал Веня.

В это время послышался стук с лестницы, послышался сильный удар в дверь. Она дрогнула и открылась.

– Вот он, – сказал растерянно Геша.

– Легок на помине, – сказал Веня.

Осел деловито прошел к столу и остановился, внимательно осматривая стол.

– За дружбу! – снова сказал Веня.

– Да, – поддержал его Геша с Иваном Ивановичем.

И они потянулись руками со стопками к центру стола, чокнулись, предвкушая будоражащую горечь водки в гортани. Веня всегда выпивал быстро, опрокидывая стопку в горло. Геша цедил водку, как самое дорогое. Иван Иванович пил водку не быстро, но и не цедил в себя, как делают знатоки этого напитка.

– А мне?! – послышалось рядом.

Все замерли со стопками в руках. Казалось, что в сторожке присутствует кто-то еще. Дверь оставалась приоткрытой. Они с недоумением переглянулись, посмотрели на приоткрытую дверь, испытывая мистическое влияние неизвестного. Рука Ивана Ивановича со стопкой нервно задрожала. Геша забыл, что нужно делать. А у Вени рука немного опустилась.

– А мне? – снова требовательно послышался рядом низкий голос с незнакомой хрипотцой. И все посмотрели на вошедшего.

Волосы на голове у Вени зашевелились. Он не двигался. Геша тоже продолжал держать стопку над столом, как будто его разбил паралич. Глаза у него расширились и, казалось, вот-вот надуются изнутри, станут больше очков и лопнут. Все трое сидели на стульях подавшись вперед, белые, словно из гипса. Стопка из рук Ивана Ивановича предательски выскользнула, упала на край стола, отскочила от него, упала на пол и разбилась.

– Ему больше не наливать, – четко и грозно отреагировал пришедший, показывая огромные зубы и издавая. – Гы-гы-гы.

– А-а, – заорал вдруг Геша, как будто его укусил шершень, и побежал прочь из сторожки.

За ним с грохотом бросились Веня и Иван Иванович. Они, толкая друг друга, кучей скатились по ступенькам вниз и бросились от сторожки в разные стороны. Веня остановился и прислушался, вглядываясь в темноту. По спине у Вени диким стадом пробежали мурашки. Тело била крупная дрожь. В считанные секунды он оказался у фонаря метрах в двадцати пяти от сторожки. Стоял и бурно дышал. В какой-то момент ему показалось, что он на планете остался один. Страх забирал его сердце в свои холодные руки. Его состояние можно было охарактеризовать одним словом – жутко.

– Геша, – позвал он дрогнувшим голосом.

– Что? – отозвался тихо тот со стороны.

– Иван Иванович, – позвал Веня.

– Я...

– Идите сюда... – и вышел ближе к свету.

Из кустов появился Геша. С другой стороны из-за дерева вышел Иван Иванович. Все с недоумением испуганно смотрели друг на друга.

– Ты чего? – спросил Веня, обращаясь к Геше. – Чего рванул?

– Чего-чего? А он чего? – спросил Геша, кивая на сторожку. – Зубы как выставит...

– Он сказал «Гы-гы-гы...» – вспомнил Иван Иванович. – Причем тут «Гы-гы»?

– Нет. Он сказал: «А мне?» – вспомнил Веня. – Да, он сказал: «А мне?» Он сказал это, как только мы чокнулись и хотели выпить. И еще сказал: «Этому не наливать». То есть вам, – сказал Веня Ивану Ивановичу.

– У меня стопка из рук выпала.

– У него... – сказал Веня. – У него это...

– Он... Он... Он говорит... – начал заикаться Геша.

– Это ваша жидкость... – догадался Веня и посмотрел на Ивана Ивановича. – Он ее выпил и вот...

– Да, это эликсир новой жизни, – сказал Геша.

– Значит, мой сосед правду говорил... – с дрожью в голосе сказал Иван Иванович.

– Мы же хотели посмотреть, что из этого выйдет. И вот... – сказал Веня.

Геша нервно поежился и пожал плечами так, что достал ими до кончиков ушей. Иван Иванович растерянно молчал.

– Пойдем, посмотрим, что он делает, – предложил Веня, сильно волнуясь.

– А если он бешенный? – спросил Геша.

– Это ты рванул, как бешенный. А тебя, как человека, попросили просто налить.

– Да... – неопределенно сказал Геша.

Что означает это «да» было не понятно. Геша умел говорить «да», когда от него требовалось конкретное предложение.

– Пошли, – сказал Веня, храбрясь, хотя возвращаться в сторожку ему не хотелось. – У нас же там водка... – добавил он и осторожно направился к сторожке.

– Больше половины бутылки, – вставил Иван Иванович и последовал за Веней. За ним последовал Геша. Они медленно, подгоняемые интересом, подходили к сторожке.

– Тихо, – сказал Веня, прислушиваясь у ступенек сторожки.

– Тишина, – сказал, прислушиваясь, Геша.

Веня крадучись, поднялся по ступенькам, приоткрыл дверь и замер.

– Что там? – прошептал Иван Иванович.

– Что? – тихо спросил Геша.

– Стоит... У стола... – ответил шепотом Веня. – Ест нашу закуску и хвостом помахивает...

– Дай посмотреть... – Геша придвинулся, стал заглядывать через плечо Вени в комнату и замер.

В сторожке происходило что-то интересное.

– Что там? Дайте мне посмотреть. – Иван Иванович не вытерпел и тоже придвинулся к двери и заглянул в сторожку.

Дверь от напора трех тел, сдвинулась с места и скрипнула.

– Вернулись? – оборачиваясь, спросил осел, разглядывая пришедших левым глазом. – Бросили выпивку и закуску... Я вам, что не компания?

Веня открыл дверь шире, ступил через порог. За ним в сторожку вошли Геша и Иван Иванович.

Все трое стояли у входа и смотрели на осла.

– Проходите, садитесь, – сказал осел. – Посидим, поговорим...

Геша, Веня и Иван Иванович переглянулись. Веня первый решился, подошел к столу и, ожидая невозможного, сел на прежнее место.

– В ногах правды нет... – сказал осел.

Геша и Иван Иванович тоже подошли к столу и неловко сели на свои места. Веня пододвинул свободную табуретку ослу.

– Садись... – сказал он.

Осел придвинул зад к табуретке и едва ее коснулся, как она отъехала в сторону. Затем он снова попытался с другой стороны придвинуть к ней зад и сесть. Но она снова отодвинулась от него. Хаха снова попробовал сесть, но у него ничего не получилось.

– Она все время меняет свое место нахождение, едва я на нее пытаюсь сесть, – сказал озадаченно он. – Ладно, я потом с ней разберусь. Можно я пока с вами стоя посижу?

Веня кивнул.

– Выпьем за дружбу? – спросил осел.

– Да, – откликнулся Веня и поискал на столе стопки.

– Стопки куда-то все делись, – сказал Иван Иванович. – Сейчас новые достану.

– Можно спросить? Почему вы так рванули? – спросил осел.

– Еще бы не рвануть... Когда начинается такое... – сказал Геша. – Мочал, молчал и нате...

– Да... Я об этом не подумал, – сказал осел.

– Он об этом не подумал, – сказал Веня с едва заметной иронией.

Иван Иванович поднялся, подошел к полке у стены и выбрал три новые стопки.

– Вот, – сказал он. – Это последние...

Веня взял в руки бутылку и стал разливать.

– А мне? – сказал осел и все снова вздрогнули и посмотрели друг на друга. – Я тоже хочу выпить за дружбу.

Веня замер с бутылкой в руках. Подумал и затем вразумительно сказал.

– Животным пить нельзя... Не полагается...

– Да, – сказал осел, – животным нельзя? И кто здесь животное? – спросил он и пристально посмотрел сначала на Веню, потом на Гешу и Ивана Ивановича. – Думаю, что это кто-то из вас...

– В этом ты ошибаешься, – сказал Веня и улыбнулся.

– То есть вы хотите сказать, что... Что животное это я? – спросил Хаха.

– Да, ты... Ты, извини, осел, – сказал Веня.

– Почему это я осел. Почему вы называете меня ослом, когда ослиами являетесь вы.

– Вот теперь-то все и прояснилось, – с иронией сказал Веня. – У тебя инверсия сознания.

На самом деле осел ты...

– Постойте! Я знаю, что ослиами называют людей, у которых в жизни ничего не получается. Вы работаете и вам не платят зарплату. Иван Иванович инженер и работает сторожем. Так вы и есть ослы. Именно таких людей как вы и называют ослиами.

– Таких, как мы? – спросил Иван Иванович.

– Неприспособленных к жизни... – пояснил Хаха.

– Некоторых людей действительно называют ослиами. Но они не являются ослиами по существу, – сказал Веня. – Ослами же по определению называют животных с длинными ушами. По всем характеристикам ты подходишь под это определение.

– Не согласен. Это еще нужно доказать... – сказал серьезно Хаха.

– Первое, ты упрям, как осел. И потом, у тебя четыре ноги, хвост и морда с длинными ушами.

– У тебя ослиная морда вместо паспорта... – сказал Геша. – Какие еще нужны доказательства.

– Посмотри на себя в зеркало, – сказал Веня.

Он поднялся, взял осла за шею и подвел к зеркалу старого покосившегося шкафа. - Видишь?

- Вижу... - сказал Хаха. - Вижу иллюзию... Внешний обман... Вижу некоторое несоответствие того, что отражается в зеркале и что есть на самом деле.

- То есть, как? - удивленно спросил Геша...

- Что это значит? - спросил Иван Иванович. - Поясни.

Осел помолчал.

- Как вам сказать? Видите ли, мой внешний вид не соответствует моей внутренней сути и внутреннему самоощущению.

- И как ты себя ощущаешь? - спросил Веня.

- Красивым стройным юношей...

- Это может быть. Это в жизни бывает, - сказал Веня. - Мне кажется, что я силач и могу свернуть горы, особенно когда выпью.

- А мне кажется, что я стройный и высокий красавец блондин, - сказал Геша.

- А на самом деле он, как видишь, отнюдь не высокий, не красавец и к тому же, очкарик, хотя и блондин, - подтвердил Веня.

- Внешне ты типичный и вполне законченный упрямый осел, - развеял последние сомнения оппонента Геша.

- Да? Вы так считаете? Вы так все считаете? - спросил Хаха и задумался.

- Теперь ты понимаешь, что ты животное и тебе пить нельзя? - спросил Веня.

- Да... - сказал Хаха. - Понимаю... Но животному и говорить нельзя... Животные не пьют и не говорят.

И сказанным, своей логикой и здравым смыслом поверг остальных в изумление.

- Он прав, - сказал Иван Иванович - Придется ему налить... - Он поднялся со стула, взял с полки стеклянный стакан и вернулся к столу. - Вот... Остался только такой... - поставил он прибор перед Хаха.

Хаха стал внимательно смотреть на него, будто примериваясь.

- Хорошо... Выпьем за дружбу, - сказал Веня и налил ослу в стакан водки.

Все чокнулись со стаканом Хаха и выпили. Хаха стоял у стола, нервно вилял хвостом и переступал с правой передней ноги на левую. Он вел себя так, словно не знал, что ему делать. Когда все выпили и уже подумали, что задача перед Хаха стоит невыполнимая, тот решился, обхватил стаканчик за горлышко зубами, резко поднял голову вверх и опрокинул содержимое стаканчика в себя. Затем он опустил голову, пустой стакан поставил на стол и выдохнул:

- У-у-ф... Раз вы налили мне водки, значит, не считаете меня животным? И если я выпил налитую мне водку, то я точно не осел. Но если вы говорите, что я осел, то с этим нужно что-то делать.

- Он мыслит вполне логично, - сказал Геша и бодро посмотрел на Веню и Ивана Ивановича.

- В нем, кажется, сформировывается самосознание, - сказал заинтересованно Веня.

- Выпил залпом, - сказал Иван Иванович с завистью.

- Да, - сказал Геша. - Как будто все время пил.

- У тебя есть какие-нибудь жизненные принципы или что-то в этом роде? - спросил Веня, кушая корочку хлеба, потому что больше ничего не оставалось.

У меня есть один принцип, - сказал Хаха.

- Какой? - спросил Геша, ерничая.

- Я говорю только правду...

- Вот оно что, - сказал Веня. - Тогда у меня к тебе просьба.

- Какая? - заинтересованно спросил Хаха.

– Говорить тебе при всех пока не следует, – посоветовал Веня. – При нас можно. А при других молчи... Лучше тебе вообще не говорить. И тем более не следует говорить правду. Время такое скользкое.

– Только не вздумайте затыкать мне рот, – сказал Хаха. – Сейчас демократия и каждый может говорить то, что считает нужным.

– Тебя могут не так понять, – сказал Иван Иванович.

– За правду могут побить, – сказал Геша и поежился.

– Не знаю, как я смогу себе отказать в том, что у меня стало получаться, а раньше не получалось, – сказал Хаха.

– Мы не знаем, что будет, если ты при всех заговоришь и к чему это приведет. Поэтому мы тебя просим пока помолчать, – сказал Веня.

– Хорошо. Я буду нем, как рыба, – сказал Хаха и вдруг потянул вверх одну сторону рта. – Гы-гы... Вы не находите ничего смешного в том, что я сказал? Разве это не смешно, что осел будет нем, как рыба?

Веня, Геша и Иван Иванович переглянулись и от души рассмеялись.

– Это смешно, – сказал Веня.

– Да, – добавил Геша. – Он просто юморист!

– Может, еще что-нибудь выдашь? – спросил с улыбкой Веня.

Осел помолчал и голосом, пародирующим телевизионных ведущих новостных программ, начал говорить.

– Говорит и показывает телевизор. Новости... Сегодня несколько депутатов искали компромисс с помощью рукоприкладства. В результате найденного компромисса один депутат, желавший получить портфель заместителя подкомитета, получил портфелем по голове и синяк под глаз. Другой оппонирующий ему депутат получил шишку на голове, сильный ушиб скулы и повреждение уха. Еще несколько депутатов получили ушибы нерабочих частей тела и сотрясения не задействованных в законодательной деятельности частей мозга. В общем, работа сегодня прошла на редкость плодотворно! – закончил он.

Веня, Геша и Иван Иванович, грохнули смехом. Они смеялись и не могли остановиться. Веня хотел что-то сказать, но не мог и продолжал смеяться.

– Это... он... – задыхаясь, говорил Веня и снова хохотал.

Хаха смотрел на друзей, не понимая, почему они смеются, и слегка помахивал хвостом.

– Это он... Теле... Визор... Насмотрелся... – наконец, выговорил Иван Иванович.

Веня, Геша и Иван Иванович стонали от смеха на стульях и, успокаиваясь, начали глубоко дышать.

– Скажи еще что-нибудь, – попросил Геша.

Осел посмотрел на пустые тарелки на столе на всех собравшихся и сказал грустно:

– Бутерброды кончились, а вечер еще продолжается. Ха-ха!..

– У него неплохо получилось! – сказал Иван Иванович.

– Он даже интонации комментатора передал, – сказал Геша.

– Да ты пародист, – улыбнулся Веня.

– Хорошо, что не садист! – выдал осел.

Друзья снова грохнули смехом.

– Неплохо пообщались, – сказал, вздыхая после смеха, Геша.

– Как же мы будем общаться, если мне нельзя говорить? – спросил Хаха.

– По вечерам мы можем собираться и говорить сколько угодно обо всем, – сказал Веня с улыбкой.

– В слоновнике нам никто не мешает говорить по душам, – добавил Геша.

– Моя сторожка всегда к вашим услугам, – сказал Иван Иванович.

– Спать будем или нет? – спросил Веня и посмотрел в окно. – Светать начинает. Я так спать хотел. Сейчас расхотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.